

Елена Рус

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Хирургия чувств

18+

Елена Рус

Хирургия чувств

«Автор»

2026

Рус Е.

Хирургия чувств / Е. Рус — «Автор», 2026

Лана — блестящий хирург с "золотыми руками", строгая, собранная, но с ранимой душой. Работает в государственной больнице, известна среди коллег своим профессионализмом и жёстким характером. Скрывает личную драму, неудачный брак, оставивший шрамы не только на сердце, но и на карьере (её обвиняли в ошибке, хотя вина была не её). Ярослав — харизматичный владелец сети частных клиник, успешный бизнесмен с репутацией плейбоя. На деле, одинокий человек, который скрывает за маской веселья глубокие переживания. Мечтает изменить репутацию своих клиник, сделать их эталоном качества и этики.

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Лана	6
Глава 2 Ярослав	8
Глава 3 Ярослав	10
Глава 4 Лана	12
Глава 5 Ярослав	15
Глава 6 Лана	18
Глава 7 Ярослав	21
Глава 8 Лана	24
Глава 9 Лана	26
Глава 10 Ярослав	28
Глава 11 Лана	31
Глава 12 Ярослав	34
Глава 13 Ярослав	36
Глава 14 Лана	38
Глава 15 Лана	41
Глава 16 Ярослав	43
Глава 17 Лана	45
Глава 18 Ярослав	47
Глава 19 Лана	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Хирургия чувств

Пролог

Я влюблялся,
Но вырезал из сердца ненужное.
Удивлялся, что все, где нет ее, чуждо мне!
И пинцетом я вынимал остатки влюбленности,
Под прицелом своей доверчивой скромности.

Глава 1 Лана

Утро в хирургическом отделении районной больницы, где я работала врачом хирургом выдалось напряжённым.

Впрочем как и все предыдущие смены. Я вошла в ординаторскую, сняв медицинскую шапочку. Только что завершилась экстренная операция. Пальцы слегка дрожали, случай оказался сложнее, чем ожидалось.

В ординаторской сидели, анестезиолог Ирина, молодой ординатор Артём и хирург Олег Петрович Скрипник, старейший сотрудник отделения.

Ирина, поднимая глаза от истории болезни и посмотрев на меня из-под очков сказала:

— Лан, ты как? Вид у тебя конечно замученный.

Я присев устало за свой стол, налила в стакан воды и выпив залпом, ответила:

— Всё в порядке. Я норм. Пациент стабилен.

Олег Петрович, который сидел читал жёлтую прессу, посмотрев на меня сказал:

— Опять в порядке? Лана, ты уже третью смену за неделю работаешь на износ. Даже молодым так нельзя!

— У нас нет выбора Олег Петрович. Вы сами знаете, какая сейчас нагрузка на отделение, врачей не хватает. — ответила я ему устало.

— Лана Владимировна, а как вы, то есть, как вам удаётся так точно рассчитывать время на операцию? У меня пока выходит либо слишком долго, либо риски растут. — спросил робко Артём.

Я посмотрела на Артёма, вспоминая себя, когда я была чуть постарше его и так же ещё многого не знала, ответила:

— Опыт Артём. И ещё, никогда не думай о результате до завершения. Только о следующем шаге.

Олег Петрович кивая с одобрением на мои слова сказал:

— Мудрый совет! Хотя, признаться, я помню времена, когда ты сама волновалась перед каждым разрезом.

Я замерла. Это он намекал, на ту самую историю, которую я старалась забыть?

Посидев ещё минут десять и отдохнув, я вышла в коридор. И столкнулась с заведующим отделением, доктором Смирницким Алексеем Федоровичем. Он держал в руках папку с документами и выглядел озабоченным.

— Лана Владимировна, у меня к вам просьба! Посмотрите пациента из третьей палаты. Диагноз неясен, а коллеги расходятся во мнениях.

— Конечно Алексей Федорович. Что именно вызывает сомнения? — спросила я его заинтересованно.

Смирницкий подошёл ближе и уже более тихим голосом ответил.

— Симптомы похожи на перфорацию, но анализы не подтверждают. Я бы хотел, чтобы вы взглянули своим взглядом. Знаю, вы не любите вторые консультации, но..

Я его остановила, сказав:

— Я посмотрю! Но если это снова окажется ошибкой диагностики, вы позволите мне провести операцию?

Смирницкий помолчал, обдумывая про себя, а потом кивнув, ответил:

— Да! Ваше слово будет решающим! Но прошу, будьте осторожны. Последний раз, когда вы настаивали на своём.

Он не договорил, а я сжала сильнее ручку в руках, отчего она чуть не переломилась и перебив его, я ответила:

— Алексей Федорович, это был не мой промах! И вы это знаете!

У него от этих слов вдруг забежали глаза, что он не знал куда их деть и затем ответил мне тихо:

— Знаю. Но слухи то они всё ещё ходят.

Я ничего не ответила ему на это, развернулась и зашла обратно в ординаторскую.

В третьей палате, я долго изучала снимки пациента, шестидесятилетнего мужчины. Задавала ему вопросы, проверяла рефлексы. За мной молча наблюдал Артём, стараясь запомнить каждое движение.

Наконец обернувшись к Артёму, который стоял и смотрел за моими манипуляциями, я спросила:

— Что видишь?

Он немного замялся, затем задумавшись, посмотрел на историю болезни, а потом взглянув на меня, ответил:

— Ну возможно, спаянная болезнь? Но почему тогда боли иррадиируют в плечо?

— Потому что это не спайки! Посмотри на локализацию? И на то, как он держит руку?

Артём вдруг посмотрел на меня озарившим его взглядом и ответил:

— Поддиафрагмальный абсцесс!

Я одобительно ему кивнула и быстро сказала:

— Верно! Ты молодец! Срочно на КТ пациента! Если подтвердится, операция через час!

Артём довольно улыбнулся и снова спросил:

— Как вы это поняли? Я смотрел те же снимки!

Я вздохнула от его настойчивости, но разведя руками, ответила ему:

— Ты смотрел Артём. Но видимо не увидел?

Перед операцией пациента из третьей палаты, я снова встретила Ирину. Та протянула мне чашку кофе и спросила:

— Ты уверена, что стоит браться за это? После прошлого случая.

Я взглянула на нее серьезным взглядом и вздохнув, ответила:

— Ира, хватит! Ты же знаешь, что это была не моя ошибка!

Ирина закатив глаза, сказала:

— Я не о том! Просто ты опять одна. Почему не попросишь помощи?

Я вздохнула и присела на стул, ответив ей:

— Потому что если что-то пойдёт не так, отвечать буду тоже одна!

Ирина хотела что-то сказать, но в этот момент в ординаторскую вошёл Смирницкий.

— Всё готово? Лана Владимировна вы уверены?

— Абсолютно Алексей Федорович, во всём, что я делаю и ответственность будет тоже на мне! — ответила я ему и выйдя из ординаторской, направилась в операционную.

Операция длилась два часа и прошла успешно. Я вышла из операционной, снимая маску и перчатки. В коридоре меня ждал Олег Петрович.

— Молодец Ланочка! Я всегда говорил, ты лучший хирург, что у нас был за последние десять лет!

Я улыбнулась ему устало и ответила:

— Спасибо Олег Петрович! Но это не отменяет прошлого.

Он положил руку мне на плечо и поотечески сжав его, сказал:

— Прошное забудется, это жизнь милая. А ты профессионал и не позволяй прошлому затмить тебя!

Я ничего ему не ответила, а просто мотнула ему головой и пошла в ординаторскую, где на столе скопились истории болезней, которые я должна была ещё просмотреть.

Я села, закрыла глаза и наконец позволила себе выдохнуть.

Глава 2 Ярослав

Мой кабинет сиял сдержанной роскошью, тёмное дерево, мягкие кожаные кресла, панорамное окно с видом на город. На столе, ни лишней бумаги, ни беспорядка. Только фото в рамке, отец в белом халате, с усталой, но доброй улыбкой. И смеющаяся Ритка, в цветастом сарафане и счастливая. Их больше нет.

Я провёл рукой по снимкам, затем резко отодвинул их в сторону. Часы показывали восемь утра, пора начинать рабочий день. В дверь постучали.

— Войдите! — бросил я, натягивая привычную улыбку.

На пороге появилась Аня, в одном лице моя помощница и любовница. В руках, планшет с отчётами, взгляд настороженный.

— Ярослав у нас проблема с клиникой на Ленинградской. Пациенты жалуются на долгое ожидание, а врачи... — она замялась.

— Говорят, что протоколы слишком жёсткие!

Я откинулся в кресле.

— Жёсткие? Ань, мы не благотворительная организация! Мы даём качество. Если врач не может работать по стандартам, это не наша проблема!

— Но люди уходят к конкурентам! Говорят, там отношение лучше!

— Отношение лучше, это когда пациент получает лечение, а не пустые обещания. — я встал, подошёл к окну.

— Вспомни, где я начинал? В обычной больнице! Там "отношение лучше" оборачивалось халатностью, ошибками и смертью. Мы не повторим этого!

Аня молчала, листая записи.

— А что с новым проектом? — спросила она после паузы.

— Ты говорил о клинике для малоимущих.

Я усмехнулся.

— Говорил. Но пока мы не наведём порядок здесь, об этом даже думать не стоит. Репутация, это не красивые слова на сайте. Это каждый врач, каждая медсестра, каждый приём.

Дверь снова открылась. На этот раз вошёл Михаил, главный врач сети моих клиник.

— Ярослав, ты видел отзывы за последнюю неделю? — без предисловий начал он.

— Люди пишут, что мы "холодные", "бездушные". Один даже сравнил нас с конвейером.

— Конвейер, это хорошо, если он делает качественную продукцию! — парировал я.

— Мы не цирк! Мы лечим!

Михаил скрестил руки на груди.

— Ты знаешь, что я с тобой согласен. Но пациенты они не машины! Им нужно внимание, сочувствие. Ты сам был врачом, помнишь?

Я стиснул кулаки, но тут же расслабил их.

— Помню. Помню, как в обычной больнице пациенты ждали операции по полгода. Помню, как из-за нехватки персонала люди умирали. Мы построили систему, чтобы этого не было. И если для этого нужно быть «холодными», пусть так!

Аня тихо кашлянула.

— Может, компромисс? — предложила она.

— Например, ввести дополнительные тренинги для персонала по коммуникации? Или создать отдел, который будет работать с жалобами.

Михаил кивнул.

— Это разумно. Мы можем сохранить стандарты, но добавим человеческого тепла.

Я долго смотрел на них, затем медленно опустился в кресло.

— Хорошо! Давайте попробуем! Но предупреждаю, ни шагу назад от качества. Если кто-то решит, что "теплота" это повод нарушать протоколы, я буду жёстким. Очень жёстким!

Аня улыбнулась мне.

— Я подготовлю план!

Михаил подошёл, хлопнул меня по плечу и ответил:

— Ты всё ещё тот же хирург, который спасал жизни в обычной больнице! Просто теперь у тебя больше инструментов!

Когда они вышли, я снова взял фото отца.

— Пап.- прошептал я.

— Я пытаюсь. Честно пытаюсь! Я не смог спасти Риту, не смог помочь тебе, но я хочу быть полезен людям!

За окном город жил своей жизнью. А где-то там, за маской успешного бизнесмена, я продолжал бороться с собой, с системой и с призраками прошлого.

Глава 3 Ярослав

Неделя прошла в напряжённом ритме. Я погрузился в рутину, совещания, отчёты, проверки филиалов. Старался не думать о том, что компромисс с «человеческим теплом» может подорвать выстроенную систему. Но план Ани лежал на столе, аккуратный, продуманный, с этапами внедрения тренингов и КРІ для отдела по работе с жалобами.

Но в пятницу утром всё рухнуло.

Я просматривал информацию по клиникам, когда в кабинет влетела Аня, без стука, с телефоном в дрожащей руке.

— Ярослав, ты видел новости? — её голос сорвался на шепот.

На экране заголовок жирным шрифтом:

«Смертельная ошибка в клинике „Здоровье Плюс“, пациент в реанимации после операции».

Ниже фото больничного коридора, размытые фигуры в халатах, кричащие подзаголовки: *«Бездушные протоколы убили человека!», «Руководство молчит!».*

Внутри всё похолодело. Я пробежал глазами текст, вчера в клинике на Московской хирург допустил ошибку во время плановой операции. У пациента, мужчины сорока пяти лет развилось осложнение. Сейчас он в критическом состоянии.

— Это катастрофа! — прошептала Аня, наблюдая за мной.

Я ударил кулаком по столу. Фото отца и Ритки вздрогнули, но остались на месте, рамка была тяжёлой, как и мой мир, который вдруг дал трещину.

— Кто оперировал? — спросил я, стараясь говорить ровно.

— Доктор Воронцов. Он...он в шоке. Говорит, что операция прошла успешно, но дальше что-то пошло не так!

— Что-то пошло не так это не диагноз! — я вскочил, начал ходить по кабинету.

— Где Михаил? Почему я узнаю об этом из новостей?

— Он в клинике. Пытается сдержать волну. Но журналисты уже осадили вход. Требуют твоего комментария.

Я замер у окна. Город, который ещё утром казался символом моего успеха, теперь смотрел на меня с насмешкой.

— Что делать? — тихо спросила Аня, словно боясь нарушить хрупкое равновесие.

Варианты мелькали в голове, но каждый был хуже предыдущего:

"Отрицать значит выглядеть виноватым.

Признать значит подставить клинику под удар.

Уволить Воронцова значит подтвердить ошибку, но спасти репутацию".

— Есть один вариант! — вдруг сказала Аня.

— В городской больнице 7 работает хирург Лана Владимировна Гордеева. Она...она феномен. Берётся за случаи, которые другие считают безнадежными. Если она проверит пациента и подтвердит, что всё было сделано по стандартам, это поможет нас спасти!

— Почему я о ней не слышал? — спросил я, медленно поворачиваясь к Ане.

— Если она действительно настолько хороша, её имя должно было всплывать хотя бы в профессиональных кругах?

Аня сглотнула, но взгляд не отвела.

— Она не любит публичности. Работает тихо в городской больнице, без шума. Говорят не участвует в конференциях. Только оперирует. И спасает тех, от кого все отказались.

Я усмехнулся, но смех вышел горьким.

— Чудесно! То есть у нас есть некий мифический суперхирург, о котором никто ничего не знает, но который, по слухам, может вытащить нас из этой ямы. И ты предлагаешь мне поставить на неё всё?

— У нас нет других вариантов! — тихо, но твёрдо сказала Аня.

— Если мы не найдём независимого эксперта, который подтвердит, что операция была проведена корректно, нас разорвут. Журналисты, пациенты, партнёры Репутация клиники будет уничтожена.

Я снова подошёл к окну. Город внизу жил своей жизнью, люди спешили по делам, машины неслись по проспектам, где-то вдалеке сверкала вывеска торгового центра. Всё казалось таким обычным, таким далёким от той катастрофы, которая разворачивалась в моей жизни.

— Как ты вообще о ней узнала? — спросил я, не оборачиваясь.

— Случайность! — призналась Аня.

— Месяц назад ко мне обратилась пациентка из этого отделения той самой больницы. Рассказывала, что Лана Владимировна взялась за случай, который все считали безнадежным. И вытащила человека буквально с того света. Я тогда просто запомнила имя на всякий случай.

Я закрыл глаза, пытаюсь собрать мысли в кучу. Время работало против нас. Каждая минута промедления, ещё один удар по репутации.

— Найди её! — наконец произнёс я, поворачиваясь к Ане.

— Прямо сейчас! Узнай, готова ли она приехать, осмотреть пациента и дать заключение! Если согласится, обеспечить ей полный доступ ко всем материалам, к истории болезни, к записям операции. И... я сделал паузу.

— Устрой ей встречу со мной и постарайся сделать так, чтобы об этом не узнали журналисты! Пока не узнаем, что она скажет.

Аня кивнула и уже собралась выйти, но я остановил её:

— И ещё. Узнай всё, что можно, об этой Лане Владимировне. Где училась, где работала, какие случаи вела? Мне нужно знать, кому я собираюсь доверить судьбу клиники.

Она снова кивнула и вышла, а я остался стоять у окна, чувствуя, как внутри разрастается ледяная пустота. Один человек. Одна надежда. И ни малейшего представления, сработает ли это?

Глава 4 Лана

После очередной смены в отделении я едва переступив порог квартиры, устало опустилась в прихожей на стоящий в углу пуфик. Сняла туфли, провела рукой по лицу, пытаюсь стереть ощущение бесконечной усталости. В голове всё ещё крутились образы сегодняшних пациентов, детали операций, возможные осложнения. Телефон в сумке зазвонил неожиданно, резкий звук разорвал тишину квартиры. Я достав его, взглянула на экран, незнакомый номер.

— Да? — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Здравствуйте, Лана Владимировна! Меня зовут Анна, я менеджер клиники "Здоровье Плюс». Прошу прощения за поздний звонок, но не могли бы вы, уделить мне пару минут.

Я невольно напряглась. "Здоровье Плюс" одна из крупнейших частных клиник города. Что им могло понадобиться от меня?

— Слушаю вас! — сказала я, поправляя сбившиеся волосы.

— У нас произошёл непростой случай. Пациент в критическом состоянии после плановой операции. Наш хирург в шоке, не может объяснить, что пошло не так. Мы ищем независимого эксперта, который мог бы осмотреть пациента и дать заключение.

Я молчала, обдумывая услышанное. В голове мгновенно пронеслись воспоминания о последнем подобном случае, том самом, после которого по отделению поползли слухи.

— Почему вы обратились ко мне? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Мы изучили вашу репутацию! — быстро ответила Анна.

— Коллеги отзываются о вас как о хирурге, который берётся за самые сложные случаи! Вы не боитесь принимать решения, когда другие опускают руки.

Я усмехнулась про себя.

«Берётся за самые сложные случаи, звучит красиво.

На деле же это просто работа, которую нужно делать, несмотря на страх и усталость".

— Я не даю консультаций на стороне. — начала я, но Анна тут же перебила:

— Понимаю! Но это действительно экстренная ситуация. Если вы согласитесь приехать, мы обеспечим полный доступ ко всем материалам, к истории болезни. И, конечно, достойно оплатим вашу работу.

Я закрыла глаза, пытаюсь собраться с мыслями. С одной стороны, ещё одна сложная задача, ещё один риск. С другой, шанс доказать, что я не просто хирург, о котором ходят слухи и в конце концов помочь, если можно ещё одному человеку.

— Когда нужно быть? — спросила я наконец.

— Как можно скорее. Лучше завтра утром.

— Хорошо. Я приеду. Но у меня есть условия, полный доступ ко всем медицинским документам, возможность самостоятельно провести осмотр и дополнительные исследования, никаких ограничений во времени, я буду работать столько, сколько потребуется!

Анна быстро ответила:

— Всё будет обеспечено. Я пришлю вам адрес клиники. Спасибо, Лана Владимировна! Вы нас очень выручите!

Я положила трубку и уставилась в потолок. Сон, видимо, откладывался. В голове снова зазвучали слова Олега Петровича:

"Прошлое забудется, это жизнь, милая! А ты профессионал и не позволяй прошлому затмить тебя!"

Я встала, приготовила ужин на скорую руку, перекусила и набрала номер главврача, сказать, что на завтра мне нужен отгул.

Утро выдалось хмурым, серое небо нависло над городом, моросил мелкий дождь. Я припарковалась у сверкающего стеклянного фасада "Здоровье Плюс", на мгновение задержала дыхание, собираясь с мыслями, и вошла. В холле меня уже ждала Анна. Она улыбнулась натянуто и ответила:

— Доброе утро, Лана Владимировна! Спасибо, что приехали! Прошу за мной.

Мы шли по безукоризненно чистым коридорам, всё здесь дышало дорогой стерильностью, приглушённый свет, мягкие ковровые дорожки, ненавязчивая классическая музыка из скрытых динамиков. Контраст с моим отделением был разительным. Анна открыла дверь кабинета, жестом пригласила внутрь. На столе уже лежала толстая папка с документами, рядом планшет с включённым экраном, на котором мерцала электронная история болезни.

— Всё готово! — сказала Анна, указывая на материалы.

— Здесь полные протоколы операции, анализы, снимки, динамика состояния после вмешательства.

— Хорошо, пока я изучаю всё, не могли бы вы через час пригласить врача, который оперировал пациента? — спросила я её.

— Да, разумеется! — ответила она и вышла.

Я углубилась в изучение документов. Страницы шелестели под пальцами, строки сливались в единый поток информации, анамнез, анализы, протоколы операции, динамика состояния. Снимки УЗИ разложила на столе, рассматривала под разным углом, пытаясь уловить то, что могло ускользнуть от других.

Через час в кабинет вошёл хирург, тот самый, что оперировал пациента. Чуть постарше меня, лицо осунувшееся, халат слегка помят, взгляд из-под насупленных бровей, напряжённый, выжидающий.

— Здравствуйте, Лана Владимировна! — начал он тихо.

— Меня зовут Воронцов Николай Иванович, я врач, оперировавший пациента и готов ответить на любые ваши вопросы. Только помогите понять, что я упустил?

Я кивнула, не отрывая взгляда от снимков.

— Да вы присаживайтесь и расскажите всё с самого начала. Опустите рутинные моменты. Фокусируйтесь на том, что показалось вам необычным.

Он присел, вздохнул и провёл рукой по лицу.

— Всё шло штатно. Доступ, ревизия, выявление образования. По УЗИ и МРТ классическая киста. Но когда я начал её мобилизовывать, ткань оказалась слишком плотной. Не как у обычной кисты. Я подумал, фиброз, бывает. Продолжил. А потом...он сглотнул.

— Потом она как-будто раскрылась изнутри. Не лопнула, нет. Именно раскрылась, как цветок. И сразу пошла кровь. Много. Мы не смогли остановить.

Я молча кивнула, снова взглянула на снимки. Картина складывалась.

— Это не киста. — произнесла я тихо.

— Это кистозная форма нейроэндокринной опухоли. Очень редкая. При механическом воздействии она может разрушаться с выбросом биологически активных веществ, что провоцирует каскад реакций, вплоть до шока. Воронцов побледнел.

— Но на МРТ на УЗИ всё указывало на кисту!

— Да. Она маскируется. Нужно было специальное иммуногистохимическое исследование, но его, разумеется, до операции не проводили.

Я закрыла папку, посмотрела на него.

— Сейчас главное, не поиск виноватых. Пациент в реанимации, у нас есть шанс стабилизировать его, если действовать правильно. Мне нужны, доступ к лаборатории для срочного анализа на хромогранин А и серотонин, УЗИ с доплером, консультация реаниматолога и эндокринолога. И время!

Он встал и выпрямился, в глазах вспыхнул огонёк.

— Всё будет. Я лично прослежу!

В этот момент дверь открылась без стука и в кабинет вошёл мужчина, высокий, подтянутый, в дорогом костюме под халатом. Взгляд холодный, пустой.

— Здравствуйте! Лана Владимировна! — произнёс он ровным, почти безэмоциональным голосом.

— Ярослав Александрович Шахов, владелец сети клиник "Здоровье Плюс". Спасибо, что согласились помочь!

— Здравствуйте. — ответила я сдержанно и опустила глаза, от его слишком оценивающего взгляда.

— Я ознакомилась со всем! Условия, о которых мы договаривались, соблюдаются? — спросила прямо и снова взглянула на него.

— Безусловно! — он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз.

— Хорошо! Мне нужны, доступ к лаборатории для срочного анализа на хромогранин А и серотонин, УЗИ с доплером, консультация реаниматолога и эндокринолога.

— Вы получите полный доступ ко всем ресурсам. Но мне нужно понимание, каковы шансы на стабилизацию пациента? И сколько времени это займёт?

Я помедлила, взвешивая слова.

— Шансы есть. Но это не быстрая история. Потребуется минимум трое суток интенсивного наблюдения, возможно, повторная операция. И самое главное, нужно собрать консилиум с участием эндокринолога и онколога. Диагноз сложный, лечение должно быть мультидисциплинарным.

Шахов скрестил руки на груди, задумчиво постучал пальцем по локтю.

— Трое суток это долго. У нас репутация. Нельзя допустить, чтобы ситуация вышла из-под контроля!

Я почувствовала, как внутри поднимается волна раздражения.

— Пациент не контракт! Он человек, который сейчас борется за жизнь. Если вы хотите реального результата, дайте мне работать без давления!

Он выдержал паузу, взглянув на меня удивлённо, затем кивнул и ответил:

— Хорошо. Но держите меня в курсе!

Когда он вышел, Воронцов тихо произнёс:

— Он всегда такой. Для него клиника бизнес. Хотя сам был когда-то обычным хирургом!

Я вздохнула, снова взглянула на снимки.

— Сейчас главное пациент!

И, надев халат, мы направились в лабораторию, а затем в реанимацию.

Глава 5 Ярослав

Я стоял у стекла реанимации, не отрывая взгляда от мониторов, где в ритм дыхания пациента мерцали линии. И я давно не чувствовал такого напряжения, не из-за бизнеса, не из-за репутации, а из-за чего-то другого.

Из-за неё. Лана Владимировна.

Я впервые видел, как кто-то работает с такой холодной страстью. Ни суеты, ни паники. Только чёткие команды, быстрые решения, взгляд, в котором не было ни тени сомнения. И при этом молодая. Слишком молодая, чтобы нести на себе груз таких решений.

За свою жизнь, даже когда я начинал работать, также как и она в обычной больнице, я не встречал таких молодых врачей, которые так относятся к своей работе. Когда я вошёл в кабинет, где она сидела, склонившись над планшетом, волосы, собранные в небрежный пучок, выбивались прядями, подчёркивая линию скул. Руки спокойные, уверенные. Голос тихий, но такой, что каждый слог врезался в память. Я ожидал кого-то более старше. А передо мной была молодая женщина, в которой сочетались сила и уязвимость. И когда я ее спросил о сроках стабилизации пациента, она мне ответила трое суток.

Я и сам понимал, что там не все так гладко, сам читал историю болезни. Но я переживал и за репутацию клиники. Но когда она сказала:

— Пациент не контракт! Он человек, который сейчас борется за жизнь. Если вы хотите реального результата, дайте мне работать без давления.

Вот тут я понял, а она с характером! Не та, кто склонит голову, не та, кто проглотит слова ради удобства. Она сказала это ровно, без крика, но так, что каждый слог повис в воздухе, как вызов. И в этом вызове не наглость, а достоинство.

Я стоял и смотрел на неё на эту хрупкую, на вид почти девочку, которая только что поставила меня, владельца сети клиник, на место. И не почувствовал раздражения. Только восхищение. Потому что сколько бы я ни строил систем, сколько бы протоколов ни внедрял, в этот момент я вспомнил, зачем вообще стал врачом. Не ради прибыли. Не ради статуса. А ради того, чтобы спасти. А она, она была живым напоминанием об этом.

Я вышел в коридор и пошел в направлении ординаторской. Дал распоряжение, чтобы дали доступ Лане Владимировне к пациенту. Через полчаса я всё-таки тоже пришёл в реанимацию и увидел, как она стоит у кровати пациента, чуть наклонившись, контролируя дыхание, пульс, реакцию зрачков.

— Вы верите в чудеса? — спросил я тихо, подходя ближе.

Она не обернулась сразу. Только поправила датчик на пульсе, затем медленно повернулась и посмотрела на меня.

— Я верю в то, что можно бороться! — сказала она.

— Даже когда есть шансы, один на сто.

— А если чудо случится? — настаивал я.

— Тогда я скажу, спасибо моему упрямству. И вам, что вы не вмешивались!

Я усмехнулся.

— Вы действительно невыносимы! — сказал я, но в голосе уже не было раздражения. Наоборот тёплая, почти незаметная улыбка проступила в интонации.

Она посмотрела на меня, не с вызовом, не с иронией, а с лёгкой грустью, будто видела всё, что я прятал за деловым тоном, за холодным взглядом, за пиджаком, под которым давно не билось сердце, а только считало убытки и прибыли.

— Вы тоже! — сказала она тихо.

— Только вы невыносимы по-другому. Вы не даёте себе права быть уязвимым. Даже здесь. Даже сейчас. Даже перед лицом человека, который может умереть, если мы ошибёмся.

Я замер.

— Я не могу позволить себе слабость! — ответил я.

— У меня слишком многое на кону!

— А жизнь одного человека, не на кону? — спросила она, не отводя взгляда.

— Или для вас это просто статистика?

— Нет! — сказал я резко. Слишком резко. И тут же сбавил тон.

— Нет! Не статистика! Я не стал бы здесь стоять, если бы это было так.

Она кивнула, будто проверяла, искренен ли я. Потом отошла на шаг, взяла с подставки капельницу, проверила скорость введения раствора.

— Вы знаете, почему я согласилась приехать? — спросила она вдруг.

— Не из-за денег! И не из-за репутации вашей клиники!

Я посмотрел на нее, ожидая ответа, хотя догадывался каким он будет. Но мне было нужно, чтобы она сказала это вслух. Чтобы её голос звучал дольше. Чтобы эти слова повисли в воздухе, смешались с писком монитора, с тихим шорохом халата, с дыханием человека, за которого мы оба сейчас держались, как за край обрыва.

Она повернулась ко мне, не резко, не с вызовом, а с лёгкой усталостью, будто носила в себе этот ответ давно.

— Потому что я больше не могу смотреть, как медицина превращается в бизнес! — сказала она.

— Я видела, как пациентов выписывают, когда заканчиваются деньги! Как диагнозы подгоняют под страховку! Как молодые врачи учатся не спасать, а рассчитывать!

Она говорила тихо, но каждое слово било точно в цель.

— И я думаю, что ваша клиника, просто более красивая версия этого. Блестящие фасады, личные менеджеры, вертолёты на крыше. Но суть та же! Деньги решают, кто живёт, а кто умирает!

Я не стал спорить. Потому что, где-то внутри да. Были такие решения. Такие расчёты. Такие звонки, после которых я шёл в кабинет и смотрел в окно, не видя ничего.

— И вы приехали, чтобы убедиться, что я очередной хищник в костюме? — спросил я её.

— Нет! — сказала она.

— Я приехала, чтобы понять, а есть ли ещё те, кто помнит.

Она снова посмотрела на меня.

— Кто помнит, как в первый раз держал в руках стетоскоп. Как впервые услышал сердце. Как впервые понял, ты можешь изменить чью-то судьбу. Не за процент, не за премию, а просто потому что ты врач!

Я закрыл глаза, а потом открыв, посмотрел ей прямо в глаза.

— Я помню! Первый раз в районной больнице. Ночь. Ребёнок поступил с острым аппендицитом. Врачей не хватало, некому было оперировать и было слишком рискованно. А я.. я просто не мог смотреть, как он стонет. Сделал всё сам. Тряслись руки. Боялся. Но сделал.

— И он выжил? — спросила она.

— Да! Я усмехнулся, но голос дрогнул.

— Я тогда понял, что хочу быть врачом, а не бизнесменом!

— А потом? Потом, что случилось? — снова спросила она и её взгляд стал опять серьёзным.

Я смотрел на нее и понимал, сейчас она задела моё прошлое, о котором я не хотел вспоминать и где я потерял самого близкого человека, из-за той системы, которую я хотел переделать, поэтому и ответил ей:

— Потом я открыл клиники! Чтобы больше таких детей получили помощь. Чтобы не было очередей, не было нехватки оборудования. Я хотел сделать систему, где каждый сможет получить лечение!

— Но система стала важнее человека? — тихо ответила она.

— Да! — признал я.

— Я начал думать о масштабах. О прибыли. О репутации. А потом.

Она подошла ближе. Всего на шаг.

— Но тем не менее, вы сейчас здесь! — сказала она и обвела рукой операционную.

— Конечно вы заботитесь о своей репутации, но вы стоите у этой койки. Вы боитесь!

— Да! Я боюсь! — ответил я честно ей.

— Значит, вы ещё не потеряны! — сказала она.

Я посмотрел на неё и вдруг почувствовал, как что-то внутри, давно замёрзшее, закрытое, оцепеневшее оттаивает. Она отошла, снова подошла к пациенту.

— Я останусь! — сказала она.

— Пока пациент не очнётся. Все манипуляции проведены. Николаю Ивановичу я всё объяснила.

— А потом? — спросил я её, сам не зная зачем.

— А потом посмотрим. И может, вы наконец вспомните, как быть не просто владельцем клиники. — ответила она.

— А кем?

— Врачом и человеком. — прошептала она.

И в этот момент монитор издал звук.

Глава 6 Лана

После проверки анализов в лаборатории на хромогранин А и серотонин, пациенту я сделала повторное УЗИ с доплером. А также проконсультировалась с реаниматологом и эндокринологом клиники.

Было решено не оперировать его повторно, так как у пациента было стабильно тяжёлое состояние и нужно было только время, чтобы он пришел в себя. Я стояла в реанимационной, погружённая в ритм дыхания мужчины, в мерное мигание мониторов и биение чужого сердца, которое сейчас было важнее всего на свете. В эти мгновения мир сужался до размеров реанимационной палаты, а всё остальное, мои страхи, сомнения, прошлое, отступало, теряло значение.

Когда вошёл Шахов, я едва уловила движение за спиной. Мысли были здесь, у койки, где каждая секунда могла стать решающей. Я поправила датчик, проверила капельницу, лишь потом медленно повернулась. Его взгляд в нём было что-то непривычное. Не властность, не холодный расчёт, скорее растерянность. Словно он сам не понимал, зачем пришёл. Словно что-то внутри него боролось с привычным образом владельца клиник, человека, привыкшего всё контролировать.

— Вы верите в чудеса? — спросил он меня тихо.

Я задумалась. Чудо? Нет, я не верила в чудеса. Я верила в упорство. В то, что даже когда шансы один на сто, можно сражаться. Потому что за этим "одним" стоит чья-то жизнь. Чья-то надежда.

— Я верю в то, что можно бороться! — ответила я.

Шахов настаивал, спрашивал про шансы, про вероятность.

А я смотрела на него и понимала, он ищет оправдание. Оправдание тому, что система, которую он построил, иногда оказывается сильнее человека.

— А если чудо случится? — не унимался он.

— Тогда я скажу спасибо моему упорству. И вам, что вы не вмешивались!

— ответила я, и в этот момент осознала, это не вызов. Это правда.

Он усмехнулся. В его голосе больше не было раздражения, только почти незаметная улыбка. И я вдруг увидела не владельца сети клиник, не человека, привыкшего всё держать под контролем, а врача. Такого же, как я.

Когда он признался, что боится, внутри что-то дрогнуло. Страх это честно. Страх значит, что он ещё чувствует. Что он ещё не превратился в часть той системы, против которой я боролась и борюсь.

— Значит, вы ещё не потеряны! — сказала я, и сама удивилась, насколько искренне это прозвучало.

Я вернулась к пациенту, проверила показатели. Всё стабильно. Пока стабильно. Но я знала, самое сложное может быть впереди.

— Я останусь! — произнесла я, скорее для себя, чем для него.

— Пока пациент не очнётся. Все манипуляции проведены. Николаю Ивановичу я всё объяснила.

Он спросил, что будет потом. Я не знала. Правда, не знала. Но в этот момент мне было важно одно, чтобы этот человек выжил. Чтобы ещё один раз медицина доказала, она не бизнес и не конвейер для душ. Она спасение.

— А потом посмотрим! — ответила я.

— И может, вы наконец вспомните, как быть не просто владельцем клиники.

— А кем? — его голос дрогнул.

— Врачом и человеком. — прошептала я.

И в этот момент монитор издал звук. Мы резко повернулись к экрану. Показатели начали меняться. Пульс участился, дыхание стало глубже. Я схватила стетоскоп, приложила к груди пациента. Сердце билось ровно, уверенно.

— Он приходит в себя. — сказала я, не веря собственным словам и посмотрела на Шахова.

Он подошёл ближе, замер рядом. В его глазах читалось то же волнение, что и у меня. Мы стояли вдвоём, наблюдая, как жизнь медленно, но верно возвращается к этому человеку. Возможно это было чудом, но я скептик, поэтому больше для меня это было упорством и борьбой. И где-то в глубине души я поняла, возможно, не всё потеряно. Ни для него. Ни для медицины. И я снова почувствовала, значит не зря я пришла сюда! Зачем выбрала эту дорогу. Зачем каждый день встаю и иду в больницу, несмотря на усталость, на боль, на разочарование. Потому что есть вещи, которые важнее денег, репутации, систем и протоколов. Есть жизнь. Есть человек. Есть то, ради чего мы все здесь.

Пациент пришел в себя и его состояние стабилизировалось, но ему предстояло долгое лечение. Моя миссия здесь была окончена. Воронцову, врачу который оперировал данного пациента, я дала рекомендации и сказала что делать дальше и направилась в кабинет, куда изначально привела меня Анна, чтобы переодеться и ехать домой, но тут вошёл Шахов.

Я стояла у шкафа, держа в руках сумку, когда дверь тихо приоткрылась. Шахов замер на пороге, словно не решаясь переступить порог кабинета. В его глазах читалось что-то неуволновое, не властность, не деловая сосредоточенность, а неуверенность и ещё что-то.

"Почему это так на меня действует?" — пронеслось в голове.

Каждый его взгляд, каждое движение будто сжимали пространство вокруг, заставляя сердце биться чаще. Но я твёрдо решила, это ничего не значит. Я просто давно одна, это просто физиология.

— Ещё раз спасибо вам, Лана Владимировна! — произнёс он, наконец переступая порог.

Я кивнула, стараясь сохранить дистанцию:

— Это моя работа. Я просто делала то, что должна.

Он сделал шаг вперёд, и я невольно отступила к окну. Свет вечернего солнца очертил его силуэт, придавая моменту странную, почти нереальную красоту.

— Я хотел предложить вам.. — он запнулся, провёл рукой по волосам.

— Если у вас будет время, я был бы рад, если бы вы иногда консультировали моих врачей? Делились опытом. Вы.. вы действительно профессионал!

Я покачала головой, не давая ему закончить:

— Спасибо за предложение, но нет! У меня достаточно работы в больнице. Я предпочитаю оставаться там, где чувствую себя на своём месте.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на разочарование, но он тут же спрятал это за вежливой улыбкой:

— Понимаю. Простите, если я...

— Всё в порядке! — перебила я, застёгивая сумку.

— Я рада, что пациент пришёл в себя. Это главное!

Я направилась к двери, стараясь не обращать внимания на странное ощущение в груди. Казалось, будто что-то удерживало меня здесь, заставляло задержаться хотя бы на минуту. Но я не могла, не хотела поддаваться этому чувству. Уже на пороге я обернулась:

— Берегите себя, Ярослав Александрович! И помните, вы тоже врач! Не забывайте об этом.

Он кивнул, не говоря ни слова. В его глазах читалось что-то невысказанное, но я не стала ждать. Вышла из кабинета, плотно закрыв за собой дверь. В коридоре было тихо. Я прислонилась к стене, пытаясь унять дрожь в руках. Почему он так на меня действовал? Почему каждое его слово, каждый взгляд оставляли след в душе?

"Это просто усталость, убеждала я себя. Просто эмоции после тяжёлого дня".

Но где-то глубоко внутри я знала, дело не только в этом. И это знание пугало меня больше всего. Собравшись с силами, я направилась к выходу.

Завтра меня ждала обычная жизнь, больница, пациенты, рутина. И именно это сейчас было мне нужно. Стабильность. Уверенность. Безопасность. А всё остальное, всё остальное должно остаться здесь, в стенах этой клиники и в том странном чувстве, которое я так старательно пыталась игнорировать.

Глава 7 Ярослав

Я остался стоять посреди кабинета, когда дверь за ней закрылась. Тихо. Как-будто весь мир выдохнул вместе со мной. И тишина, которая после неё казалась слишком громкой.

Этот день, проведенный в моей клинике с Ланой Владимировной, на многое открыл мне глаза. На то, каким я стал и кем я был до, до открытия клиники.

А ведь по факту она была права, когда говорила, что мне нужно действительно вспомнить, что я не только владелец клиники. А врач, который должен оставаться человеком.

Я позвонил Воронцову и сказал держать на контроле пациента и докладывать о его состоянии мне. Затем сел в машину и поехал в свой головной офис.

Рабочий день подходил к концу, но не для меня. Хотя сейчас я думал больше не о работе, а о ней. Почему, я не знал.

Поэтому приехав и зайдя в свой кабинет, я открыл ноутбук с информацией о Лане Владимировне, которую нашла Аня.

Экран засветился, открывая папку с документами. Пальцы замерли над клавиатурой и я вдруг осознал, что волнуюсь. Почему-то казалось, то, что я сейчас прочту, изменит всё.

Открыл первый файл. Её фотография, только моложе, с лёгкой улыбкой, в белом халате.

"Лана Владимировна Гордеева, 34 года. Окончила Первый МГМУ им. И. М. Сеченова с отличием. Ординатура по хирургии, затем специализация. Десять лет работы в городской больнице".

Пробежал глазами строки, впитывая каждое слово. Опыт, публикации. Ни намёка на что-то сомнительное. Всё чисто, профессионально, внушительно. Но меня тянуло не к дипломам и наградам, а к тому, что стояло за этими строками.

Следующий документ, краткая биография.

"Родилась в Москве. Мать бухгалтер, отец врач. В разводе. Детей нет".

Всего несколько предложений, а внутри что-то сжалось. Почему-то представил её маленькой девочкой в очках, с толстыми учебниками. Или студенткой, засыпающей над конспектами. Или женой.

Листал дальше. Отзывы коллег, выписки из трудовых характеристик.

"Ответственная, принципиальная, умеет находить подход к сложным пациентам. Не боится брать на себя ответственность, даже если это идёт вразрез с мнением руководства".

"По личным связям информации мало. Круг общения узкий, в основном коллеги. Никаких долгов, судебных разбирательств. Три года назад, её обвинили в смерти пациента, вина её не была доказана, за отсутствием доказательств".

Откинулся в кресле, закрыл глаза. Значит вот из-за этого пациента, она так пытается помочь другим? И сегодня она это показала в стенах моей клиники. Цельной, честной, преданной делу. Не игра и не маска. Именно такой, какая она есть.

И тут же воспоминания о Рите, моей старшей сестре накрыли меня. Врач по ошибке поставил не правильный диагноз, её лечили от одного, а на самом деле было потеряно время. В итоге рак неоперабельный, четвертой стадии. Как же я себя тогда ненавидел, потому что не мог ничем ей помочь? Я ведь был только первокурсником мединститута, который многого не знал.

Отец тоже врач, только педиатр, таскал её по всяким обследованиям. Позже назначили ей химиотерапию. Её организм выдержал только два курса, вроде стала идти на поправку. Но через два дня впала в кому и не выходя из неё умерла.

И сейчас я тоже себя ненавидел и слова Ланы так глубоко попали в душу.

"Быть врачом и человеком".

Забыл? Да! Зарылся в отчёты, цифры, договоры! Превратил клинику в бизнеспроект, где пациенты, строчки в статистике.

Я встал, подошёл к окну. Город горел огнями, но мне виделась только она, её взгляд, когда она говорила о больных, о том, как важно слышать их, а не диагнозы.

Взял телефон, набрал номер Ани.

— Ань, найди мне все случаи, где мы отказали пациентам в лечении из-за нецелесообразности. Особенно за последний год.

— Но, Ярослав, это же сотни историй? — ответила она мне возмущенно.

— Найди! И подготовь отчёт к девяти сегодня. И еще...? Собери завтра к восьми всех врачей на планерку! — ответил я ей и отключился.

Завтра будет тяжёлый день. Но, может, первый день, когда я снова стану тем, кем должен быть.

Утро выдалось напряжённым. Я пришёл в конференц-зал за десять минут до начала, но уже чувствовал, как в воздухе висит лёгкое напряжение, словно все понимали, сегодня будет не просто рутинная планёрка.

Комната постепенно заполнялась, хирурги в белых халатах, терапевты с планшетами, молодые ординаторы, которые старались держаться скромнее. Все занимали свои места, переговаривались тихо, бросая в мою сторону осторожные взгляды. Я сидел во главе стола, пальцы слегка постукивали по гладкой поверхности, привычка, которую так и не смог побороть.

Аня вошла последней, держа в руках толстую папку. Кивнула мне, поставила документы передо мной и села. Взгляд спокойный, но в нём читалась тревога. Она знала, что я вчера ночью почти не спал. Что прочитал каждую строчку из тех отчётов, что она собрала. Что впервые за долгое время я просил не финансовую аналитику, а истории людей.

— Добрый день! — начал я, когда все умолкли.

— Спасибо, что пришли! Я сегодня не буду говорить о квартальных показателях. Не буду вести речь о рентабельности, загрузке операционных или сроках окупаемости! Сегодня мы поговорим о другом.

Сделал паузу. Посмотрел на всех.

— Мы не бизнес-проект! Мы клиника и каждый, кто переступает наш порог, приходит сюда не за услугой! Он приходит сюда с надеждой, а иногда с последней надеждой.

Открыл папку. Вытащил один из листов.

— Вот пациент. Мужчина, пятьдесят восемь лет. Хроническая почечная недостаточность. Ему отказали в госпитализации по причине "низкой прогнозируемой выживаемости". Стоимость лечения высокая. Шансы под вопросом. Мы посчитали, нецелесообразно. Он ушёл. Через три месяца умер. Его жена написала нам письмо. Оно лежит здесь. В нём всего три предложения:

"Вы не знали его. Он был отцом. Он был мужем. Он боролся".

Положил лист на стол. В зале стало тихо. Даже дыхание казалось громким.

— А вот женщина, сорок два года. Подозрение на опухоль. Отказали в срочной операции "не в приоритете". Направили в плановую очередь. Через шесть недель она пришла уже с метастазами. Её дочь, студентка-медик. Писала мне:

"Я хотела стать врачом, чтобы спасать. А теперь не знаю, хочу ли вообще?".

Поднял глаза.

— Я читал эти истории и вспоминал, зачем я стал врачом? Не ради красивого кабинета, не ради прибыли. Я стал врачом, потому что не смог спасти сестру. Потому что видел, как больно, как порой ошибка в диагнозе, стоит жизни человека. Когда тебя оценивают по цифрам, а не по человеческой цене.

Голос дрогнул. Я не стал прятать это.

— Вчера у нас была Лана Владимировна Гордеева. Врач хирург обычной городской больницы. Она провела день в нашей клинике, спасая пациента, отказавшись от гонорара. Просто потому что ей было не всё равно. И знаете, что она сказала?

— Быть врачом, значит оставаться человеком.

— А я.. Я забыл это. Мы все могли забыть.

Я оглядел зал.

— С сегодняшнего дня мы меняем подход! Никаких отказов только потому, что "нецелесообразно". Никаких пациентов, которых мы "не берём". Да, у нас ограниченные ресурсы, но мы найдём способ. Будем пересматривать каждый случай, будем искать альтернативы, будем слушать.

— Я не требую от вас чудес! Я прошу не теряйте человечность, потому что именно она лечит. Иногда больше, чем лекарства!

Я сделал ещё паузу.

— У меня есть список из тридцати семи пациентов, которым мы отказали. Анна Михайловна уже начала работу и мы свяжемся с каждым. Предложим помощь, найдём решения. Это будет наш приоритет.

— Если кто-то чувствует, что не может работать так, я пойму! Но тогда, возможно, это не ваша клиника. А если вы остаётесь, значит, вы готовы быть не просто врачом! Вы готовы быть человеком.

— У меня всё! Если есть вопросы задавайте? Если нет. Можем расходиться и начинать с сегодняшнего дня!

Когда зал опустел, я остался один. Подошёл к окну. Солнце уже взошло и город просыпался. А внутри у меня было чувство, которое я не испытывал давно. Не уверенность, не власть, а понимание своей значимости.

И всё это благодаря Лане.

Глава 8 Лана

Я шла по длинному коридору частной клиники "Здоровье Плюс", стеклянные двери выхода уже были в поле зрения, но ноги будто налились свинцом. В голове тишина, в сердце буря. Я старалась дышать ровно, как учила себя за годы в реанимации, вдох на четыре, задержка, выдох на шесть. Но сегодня техника не помогала.

За спиной был пациент, которого мы вытащили с того света и разговор с Шаховым Ярославом Александровичем, который изменил что-то во мне. Владелец клиники, человек, для которого, казалось, всё, цифры, отчёты, рентабельность имели значение, а сегодня он стоял у койки и спрашивал про чудо. Как будто сам искал спасения.

Я вышла на улицу и вечерний воздух окутал меня прохладой. Над городом медленно опускались сумерки, фонари зажигались один за другим над крышами. Я остановилась у машины, не торопясь открыть дверь. Достала телефон. Никаких сообщений. Никто не ждёт.

Я села за руль и завела двигатель. Просто сидела и смотрела вперёд. И вдруг поняла, я не хочу сейчас домой и набрала номер мамы.

— Мам, привет! — сказала я в трубку и голос мой дрогнул.

— Ланочка, привет? — сразу откликнулась она.

— Что-то случилось? Звонишь так поздно!

— Нет, нет! — поспешила я успокоить её.

— Всё хорошо! Просто соскучилась! Можно я приеду?

— Конечно, доченька! — и в её голосе не было ни тени раздражения, ни усталости, только тёплая, как домашний свет, готовность принять.

— Приезжай, я как раз сегодня испекла пирог с малиной, как ты любишь!

Я бросила телефон на сиденье, включила поворотник и выехала с парковки. Дорога до дома родителей составила двадцать минут по знакомым улочкам, мимо детского сада и школы, куда я когда-то ходила, мимо парка, где я гуляла с родителями. Папа умер три года назад, он тоже был врачом и мама очень долго отходила от его потери.

Когда я подъехала и поднялась на знакомый этаж, она уже стояла у двери.

— Заходи! — обняла она крепко, по настоящему, как только мать может обнять дочь, без условностей, просто впуская в тепло.

Я сняла туфли, повесила пальто и вдруг поняла, как же я скучаю по этому. По запаху маминой выпечки, по старому пледу на диване, по её голосу, который знает меня лучше, чем я сама.

Помыв руки, я зашла в кухню.

— Садись, накормлю тебя, а потом чай попьем с пирогом! — сказала она мне и стала суесться около плиты. Положив порцию горячего супа, по которому я очень соскучилась, мама присела рядом.

Я поев, поблагодарила маму за суп и мы с ней в тишине пили чай с пирогом. Затем она посмотрела на меня и спросила:

— Дочь, у тебя что-то случилось?

А что я могла сказать. Что просто устала быть одна и не хотела расстраивать её. После моего развода с Алексеем, мама итак сильно переживала за меня.

— Мам, всё в порядке! — ответила я, опуская ложечку в чашку.

Она посмотрела на меня, не как на взрослую дочь, а как на девочку, которая падала с велосипеда и старалась не плакать. С таким же терпением, с такой же болью в глазах.

— Я не хочу тебя пугать. — тихо добавила я.

— Просто сегодня я впервые за долгое время почувствовала, что не могу больше. Не из-за пациентов, не из-за работы. А потому что мне одиноко.

Слово повисло в воздухе, как первый снег, тихо и неожиданно.

Мама не стала говорить "ну что ты", "не говори глупостей". Она просто потянулась через стол, взяла мою руку и сжала её твёрдо, по-матерински.

— Я знаю! — прошептала она.

— Я вижу. И не надо было разводиться, чтобы понять, ты не должна справляться одна!

Я кивнула, не в силах говорить. Глаза щипало, но я не отводила взгляда. Не хотела прятаться.

Мама ведь не знала мою причину развода с Алексеем. Да и не надо было это ей знать. Потому что у них с отцом было всегда понимание и вера в друг друга. А у меня ...только ложь и предательство.

— Мам мы с Алексеем чужие люди и этим всё сказано! — ответила я ей.

— А ты попробуй увидеть и почувствовать своего человека? И он обязательно тебе встретится! — сказала мама.

Я улыбнулась сквозь слёзы.

— Мам ты помнишь, как я в пятом классе упала с лестницы в школе и сломала ногу? — спросила я.

— Помню. Ты не плакала, а сказала:

"Мам, мне стыдно, все смеялись!"

— А ты ответила:

"Пусть смеются, главное, ты встала!"

Она кивнула.

— И ты снова встанешь, Ланочка. Не потому что должна, а потому что, ты наша с папой дочь. Такая же сильная, даже когда чувствуешь, что ломаешься!

Я встала, обошла стол и обняла её крепко, как в детстве.

— Спасибо, что ты есть! — прошептала я.

— Я всегда с тобой, даже если ты далеко! — ответила она.

Мы сидели в тишине, при свете кухонной лампы, с остатками пирога на тарелке и двумя остывшими чашками чая. И в этот момент я поняла, чудо не всегда в том, чтобы вернуть человека с того света. Иногда чудо это просто приехать домой, даже если дом это не твоя квартира, а дом родителей, где мамыны глаза, которые видят тебя насквозь и любят, несмотря ни на что.

Глава 9 Лана

Я попрощалась с мамой и вышла из подъезда родительского дома, когда город уже спал, а небо покрылось звездами.

Дорога домой прошла почти незаметно, тихие перекрёстки, редкие фары встречных машин. Я не чувствовала усталости, но внутри было странно как после бури, когда ветер стих, но земля всё ещё дрожит под ногами.

Дома я приняла душ и только голова коснулась подушки, уснула.

На следующий день утро встретило солнцем. Доехав до больницы и поднявшись на этаж в свое отделение к девяти тридцати, я почувствовала привычный запах антисептика и кофе из старого автомата. Но только открыв дверь в ординаторскую, я почувствовала, как сердце на мгновение замедлилось.

— Доброе утро Лана Владимировна, а мы вас ждем! — раздался голос Смирницкого, что я даже не успела ответить.

Ярослав Александрович стоял у окна, в строгом тёмном пиджаке и документами в руках. Он обернулся и в его взгляде было что-то, не деловое, а живое. Как будто мы с ним давно знакомы.

— Здравствуйте Лана Владимировна! — сказал он и его голос прозвучал тише, чем обычно.

— Нам снова нужна ваша помощь!

Я замерла. Не потому что испугалась, а потому что почувствовала, это не просто просьба?

— Алексей Фёдорович, вы можете нас оставить наедине? — спросил Шахов заведующего. Тот нехотя мотнул головой и вышел.

— Что случилось? — спросила я, стараясь говорить ровно, как обычно.

Он сделал шаг вперёд.

— Ребёнок. Шесть лет. У него редкая патология. Ему нужна срочная операция, но никто из моих врачей не решается на нее. Но я.. я хочу попробовать. С вами.

Я сглотнула, чувствуя, как в горле пересохло. Взгляд Ярослава Александровича держал меня, как невидимая нить, тонкая, но прочная, не разорвать. За окном ординаторской солнце играло бликами на стенах, будто подсвечивало этот момент изнутри.

— Я редко оперирую детей! — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— У меня не так много опыта в педиатрии. Но я могу посмотреть историю болезни. Сделай прогноз и если понадобится, ассистировать.

Он не отвёл глаз. Только чуть наклонил голову, как будто слышал не просто слова, а то, что за ними колебание, осторожность, но и готовность не отвернуться.

— Спасибо! — произнёс он тихо.

— Не все согласились бы даже на это!

Я подошла к столу, взяла папку с документами. История болезни мальчика.

Диагноз, врождённая кардиомиопатия с аномалией коронарного кровотока. Редкий диагноз.

— Вы уже разработали хирургическую стратегию? — спросила я, листая ЭКГ и МРТ.

— Да. Но это рискованно. Один неверный шаг и мы потеряем ребенка. Я не хочу действовать вслепую, мне нужен кто-то, кто видит не только анатомию, но и смысл.

Я подняла глаза на него.

— Вы о чём?

— О том, что вы не просто хирург, Лана Владимировна. Вы чувствуете людей! Молчание повисло между нами, как пауза в музыке, та, что делает следующую ноту сильнее. Я почувствовала, как щеки слегка горят.

— Давайте не будем терять время? — ответила я, стараясь вернуть голосу деловитость.
— Мне нужно посмотреть подробнее историю болезни мальчика?

Ярослав Александрович сказал, что нужно ехать в его клинику, где находился мальчик. Он вышел, договорился с заведующим по поводу моей поездки в их клинику. И мы вышли из здания.

Я понимала, что в отделении я больше нужна, но и отказать в помощи ребенку, я тоже не могла. А внутренний голос твердил:

"А может тебе просто хочется быть с Шаховым?"

Но я отогнала от себя такую мысль! Я врач и не больше! Я сидела в машине рядом с Ярославом Александровичем, глядя, как за окном сливается в полосы серый город, отступающий перед тихой зеленью за его пределами. В салоне стояла тишина, не напряжённая, а такая, в которой можно говорить о самом сокровенном. Я повернулась к нему.

— Скажите. — начала я тихо.

— Почему вы ушли? Почему не остались в обычной больнице, как все? Зачем вам понадобилась своя клиника? Это ведь нелегко.

Он на мгновение замер, пальцы чуть сжали руль, потом выдохнул медленно, будто открывал дверь в комнату, куда давно не заходил.

— У меня была старшая сестра. Звали Маргаритой. Она была как весна, как лучик солнца! — сказал он.

— Ей было двадцать один, когда у неё начались приступы! Головные боли, слабость. Отец, он тоже был врачом, только педиатром, начал ходить с ней по врачам, МРТ, анализы. Врачи по ошибке поставили ей не правильный диагноз, её лечили от одного, а на самом деле... Вообще было потеряно время. В итоге рак неоперабельный, четвертой стадии. Позже назначили ей химиотерапию. Ее организм выдержал только два курса, стала идти на поправку. Но потом впала в кому и не выходя из неё умерла. Отец винил себя в смерти Риты и на этом фоне, у него произошел инфаркт, после которого, он не смог оправиться и умер.

Я замерла. Что-то внутри сжалось.

— Я не был врачом тогда, но я поклялся, что стану тем, кто увидит, кто не пройдет мимо, кто будет слушать не только анализы, но и человека. Я ушёл из государственной системы, когда понял, в ней слишком много рутины, слишком мало времени на то, чтобы помочь человеку. Я построил клинику не ради денег. Я построил её как место, где каждый случай, не цифра в отчёте, а жизнь, которая может быть спасена. Где мы можем рисковать, не ради денег, а ради шанса, даже если он один на сто.

Я закрыла глаза. Слова застряли в горле, но я ответила:

— Мне очень жаль Ярослав, что вам это все пришлось пережить!

Он мотнул головой, посмотрел на меня и продолжил:

— Это боль не прошла, она притупилась! И поэтому, когда я увидел историю болезни этого мальчика я понял, это мой шанс. Не только спасти ребёнка, но и доказать себе, что я не напрасно строил это всё! А когда вы согласились вы не представляете, что это для меня значит!

Я смотрела на него, не отводя взгляда и ответила:

— Вы не один! — сказала я наконец.

— И вы уже спасли, не только свою сестру, вы спасаете её каждый день. В каждом человеке, которого берёте на операцию, в каждом взгляде, в котором видите не болезнь, а человека!

Он кивнул и впервые за всё это время улыбнулся. И в этой улыбке я поняла, между нами больше, чем совместная операция. Это начало чего-то, что нельзя назвать, но можно почувствовать. Как пульс под пальцами, как сердце, которое вдруг забилося в унисон.

Глава 10 Ярослав

После проведенного совещания, вернувшись в свой кабинет, мне позвонил хирург Попов из нашей клиники на Краснозвездной.

— Ярослав Александрович! Тут такое дело, решил позвонить напрямую вам, а не через главврача. К нам записались родители одного мальчика, с редкой паталогией, на консультацию. От мальчика видимо все, кому они его показывали отказались. Они предлагают за сына немаленькие деньги, чтобы его спасти. Я посмотрев историю болезни и самого пациента честно говоря сам не решусь, что-то предпринимать, нужен консилиум и ваше решение! — сказал он.

Я внимательно его выслушал и сказал, чтобы он скинул мне историю болезни этого ребенка.

Сидя за столом в своем кабинете я перелистывал страницы истории болезни и в голове крутилась лишь одна мысль:

"Риск действительно был и нужно было мнение всех врачей"

Собрав консилиум из врачей, которые просматривали эту историю болезни, они тоже были в замешательстве. Да, диагноз был редкий, да, операция нестандартная. Но разве не ради таких случаев мы годами оттачивали мастерство? Разве не для того, чтобы идти туда, где другие опускают руки?

И тут я принял решение, Лана Владимировна!

— Хорошо! — произнёс я, поднимая голову.

— Если никто не решается! Я приму своё решение!

В кабинете повисла пауза. Кто-то вздохнул, кто-то переглянулся.

— Ярослав! — осторожно начал Миша, мой главврач.

— Ты понимаешь, насколько это?

— Понимаю! — перебил я.

— Но если мы откажемся, его увезут туда, где шансов ещё меньше или не увезут, потому что некуда!

Я встал, взял папку с документами.

— Пригласите нейрохирурга, анестезиолога, реаниматолога! А я попробую уговорить врача, который точно сможет нам помочь! — сказал я и вышел из кабинета.

С заведующим отделением городской больницы номер девять, Смирницким, где работала Лана Владимировна, я был ещё знаком со студенческих времён. Я учился тогда ещё на первом курсе, а он уже заканчивал пятый. Мы иногда общались с ним по работе, но не часто. Поэтому набрав его по телефону, чтобы договориться о встрече, он удивился моему звонку.

— Здравствуй Алексей Федорович! Узнал? — спросил я его в трубку.

— Здравствуй! Ярослав! Какими судьбами? — ответил он мне.

— Нужна твоя помощь, мы можем встретиться? Я могу подъехать к тебе в отделение? — сказал я.

— Ну конечно, обходы у меня заканчиваются, поэтому жду! — ответил он и я отключившись, поехал в больницу.

Приехав и поднявшись в его кабинет, мы поздоровались и чтобы не откладывать разговор, я объяснил ему всю ситуацию по больному ребенку, и что мне нужна Лана Владимировна.

Он конечно был не слишком рад такому раскладу, говорил, что в его отделении итак не хватает врачей, а Лана вообще на вес золота, но всё-таки после моих обещаний помощи отделению, он согласился.

Незнаю почему, но я ждал встречи снова с Ланой, пусть при таких обстоятельствах, но всё же! И здесь было дело не только в её согласии помочь нам, но что-то ещё, я пока не мог понять.

Ждать в ординаторской Лану пришлось недолго. Но когда она зашла и Смирницкий сказал:

— Доброе утро Лана Владимировна, а мы вас ждем!

Я повернулся к ней и был рад, что снова увидел, а она была удивлена моему приходу.

— Здравствуйте Лана Владимировна! — сказал я тихо и посмотрел на нее.

Без халата, в брючном костюме и аккуратно уложенными волосами, она выглядела сейчас не как врач, а как красивая женщина, за которой наверняка ухаживает много мужчин. И эта мысль мне не нравилась.

— Нам снова нужна ваша помощь! — продолжил я, чтобы не спалиться за ее разглядыванием.

Она замерла, явно не понимая, что от неё хотят.

— Алексей Фёдорович, вы можете нас оставить наедине? — сказал я Смирницкому, который уже косился на нас.

Тот нехотя мотнул головой и вышел.

— Что случилось? — спросила она настороженно.

Я сделал шаг вперёд и сказал:

— Ребёнок. Шесть лет. У него редкая патология. Ему нужна срочная операция, но никто из моих врачей не решается на нее. Но я хочу попробовать. С вами.

Лана подняла свои глаза на меня и в них была смесь растерянности, но в то же время борьба, как будто она что-то обдумывала.

— Я редко оперирую детей. — ответила она твердо и отошла от меня.

— У меня не так много опыта в педиатрии. Но я могу посмотреть историю болезни. Сделать прогноз и если понадобится, ассистировать.

Я смотрел на неё всё это время не отводя взгляда и думал про себя:

"Таких сейчас не делают!"

А потом произнес:

— Спасибо! Не все согласились бы даже на это!

Она подошла к столу, взяла папку с документами. В ней была история болезни мальчика и начала её изучать.

— Вы уже разработали хирургическую стратегию? — спросила она меня, листая страницы.

— Да. Но это рискованно. Один неверный шаг и мы потеряем ребенка. Я не хочу действовать вслепую, мне нужен кто-то, кто видит не только анатомию, но и смысл! — ответил я ей и подошёл.

Она снова подняла на меня глаза, сказав:

— Вы о чём?

— О том, что вы не просто хирург, Лана Владимировна! Вы чувствуете людей! — ответил я.

Молчание повисло между нами и я увидел, как она засмущалась и была сейчас не похожа на строгого врача. Но почувствовав, что я смотрю на нее, ответила:

— Давайте не будем терять время? Мне нужно посмотреть подробнее историю болезни.

Я был рад, что она согласилась и поговорив ещё со Смирницким, мы поехали в мою клинику.

В машине мы ехали поначалу в тишине и никто из нас не решался первым нарушить ее. Но Лана о чём-то думала и повернувшись всё же спросила:

— Скажите. Почему вы ушли? Почему не остались в обычной больнице, как все? Зачем вам понадобилась своя клиника? Это ведь нелегко.

Её вопрос застиг меня врасплох, это было личное и я от болезненных воспоминаний, инстинктивно сжал пальцами руль. Но потом понял, что с ней я хочу этим поделиться и выдохнув медленно, начал свой рассказ.

Я рассказывал и с каждым словом воспоминания снова меня накрывали.

А она весь рассказ слушала меня внимательно и мою боль я видел на её лице, как будто она проживала тоже это со мной.

— Мне очень жаль Ярослав, что вам это все пришлось пережить!

Я мотнул головой и продолжил:

— Это боль не прошла, она притупилась! И поэтому, когда я увидел историю болезни этого мальчика я понял, это мой шанс. Не только спасти ребёнка, но и доказать себе, что я не напрасно строил это всё! А когда вы согласились вы не представляете, что это для меня значит!

Она посмотрела на меня, не отводя взгляда и ответила:

— Вы не один! И вы уже спасли, не только свою сестру, вы спасаете её каждый день. В каждом человеке, которого берёте на операцию, в каждом взгляде, в котором видите не болезнь, а человека!

Я кивнул, улыбнувшись ей и впервые от её слов мне стало легче. И я понял, что моё знакомство с этой женщиной многое во мне поменяло.

Глава 11 Лана

Приехав в клинику, мы с Ярославом Александровичем прошли в конференц-зал, светлый, просторный, с большим экраном и столом из тёмного дерева.

Ярослав включил проектор. На экране появился МРТ-срез головного мозга мальчика, запутанная сеть сосудов, как паутина, опутавшая ствол. Редкая венозная мальформация. Такое редко встречается у детей и почти никогда без последствий.

— Вот здесь! — он провёл пальцем по экрану.

— Критическая зона. Если сдвинем хотя бы на миллиметр влево, риск паралича. Вправо заденем языковой центр и он может перестать говорить. А если заденем ствол — он не договорил и просто опустил руку.

Я подошла к нему ближе. Взяла указку, перерисовала траекторию в блокноте.

— А если зайти не спереди, а под углом? — тихо сказала я.

— Через латеральный доступ, но с фиксацией ретрактора на минимальном давлении. Тогда мы сохраним визуальный контроль и снизим риск компрессии.

Он посмотрел на меня и его глаза вспыхнули.

— Вы правы! — прошептал он.

— Такой доступ почти не используют, это слишком долго и слишком рискованно! Но если делать с контролем нейромониторинга в реальном времени если вы будете держать поле я смогу войти чисто!

Я кивнула. И вдруг почувствовала, как его взгляд скользнул по моему профилю. Не по снимкам, не по экрану, по мне. Я замерла. Сердце дрогнуло, как будто кто-то коснулся его пальцем.

— Вы всегда так сосредоточены? — спросил он тихо.

— Когда думайте.

— А вы? — сказала я не отводя глаз от экрана.

— Всегда так смотрите не на снимки, а на женщину, которая их изучает.

Он не смутился. Только шагнул ближе.

— Только на ту, которая видит то, что другие боятся увидеть!

Я медленно закрыла блокнот и обернулась. Мы стояли в полуметре друг от друга. Воздух между нами стал плотным, как операционное поле перед первым разрезом.

— Вы знаете, Ярослав Александрович! — прошептала я.

— Можно просто Ярослав! — ответил он мне также тихо.

Я мотнула головой и продолжила.

— В нейрохирургии самое важное, не торопиться!

Он не ответил словами, а только подошел ближе, коснулся кончиками пальцев моей руки, там, где вена на запястье билась быстрее обычного. Его прикосновение было точным, как инструмент, и в то же время таким тёплым, человеческим.

— Я никогда не делал этого без плана! — сказал он низко, почти на ухо.

— Ни одного разреза. Ни одного шага. А сейчас хочу пойти на риск с вами!

Я подняла глаза. В них, наверное, отражался тот же огонь, что и в его взгляде, не спешка, не вспышка, а медленное, глубокое горение.

— Тогда давайте не будем отвлекаться и продолжим? — улыбнулась я ему.

Он шагнул ближе. Я не отступила.

И в этот момент за дверью раздался стук.

— Войдите! — сказал Ярослав, чуть отступая, но так, что между нами осталось какое-то напряжение, будто натянутая хирургическая нить в тишине.

Дверь приоткрылась и на пороге появилась Анна, помощница Ярослава, в белом халате, с планшетом в руках. Её глаза метнулись сначала к экрану, потом к нам. К нам, стоящим слишком близко друг к другу.

— Ярослав Александрович! — её голос был ровным, но в нём чувствовалась стальная нотка.

— Вас просят в приёмную, родители Артёма. Они настаивают и говорят, что уже два часа ждут, а консилиум задерживается.

Я медленно опустила блокнот на стол. Взгляд Ани скользнул по моему лицу, холодно, оценивающе, не так как первый раз, когда мы встретились, а с явной ревностью.

— Мы почти закончили! — сказал Ярослав, не глядя на неё.

Его голос стал твёрже, но в нём всё ещё звучала та хрипотца, что осталась после последних слов, сказанных мне почти шёпотом.

— Дайте мне ещё пять минут?

— Но они нервничают? — настаивала Аня.

— И... — она замялась.

— Они хотят услышать ваше мнение! Только ваше!

Я почувствовала, как напряжение в комнате стало гуще. Это был не просто рабочий момент. Это был вызов и был он адресован мне.

— Анна! — мягко, но твёрдо сказал Ярослав.

— Передайте родителям, что через пять минут мы подойдём с Ланой Владимировной, как только завершим обсуждение!

Аня побледнела и молча кивнула. На миг её взгляд задержался на мне, в нём было что-то, зависть, недоверие или просто боль? А потом она исчезла за дверью, тихо, но с отчётливым щелчком закрыв её за собой.

Я вздохнула.

— Похоже, я уже успела стать проблемой? — усмехнулась я, но без злобы.

Ярослав подошёл к двери, на миг прикрыл глаза.

— Она много лет работает со мной. Знает каждую мою привычку, каждый жест. Думает, что понимает меня. Но сейчас... — он обернулся и в его глазах снова вспыхнуло то самое, не вспышка, а глубокое, медленное пламя.

— Сейчас она видит, что есть кое-что, что она не может контролировать.

— Ярослав, я не хочу быть виновницей в чём-то. Но я вижу, что этой девушке вы не безразличны. Давайте все силы сейчас бросим на операцию, а всё остальное... — тихо перебила я его.

— Давайте! — прошептала я, делая шаг ближе.

— Не будем думать ни о чём, кроме этого мальчика! Он ждёт нас. А мы мы ещё успеем!

Я подняла руку, не коснувшись, но мои пальцы замерли в воздухе, как будто проводя невидимую линию между тем, что должно быть и тем, что уже хочется. Взгляд Ярослава опустился на мои губы и на миг мне показалось, что он скажет или сделает то, что изменит всё, не только сегодняшний день, но и всё, что было до.

Но он только коснулся моего запястья снова легче, чем в первый раз, почти как дыхание и сказал:

— Вы правы! Сначала операция. А после я сам решу, что делать с тем, что чувствую!

Я улыбнулась тихо, с грустью и надеждой.

— Вы хирург, но вы и человек! А человеку свойственно чувствовать! Но сейчас мы решаем судьбу маленького человека и давайте все силы, и душу пустим сначала на него!

Он закрыл глаза. Дышал медленно, как перед сложным входом в мозг, с концентрацией, с уважением к каждому миллиметру.

— Вы опасны, Лана Владимировна! — прошептал он.

— И вы уже вошли в мою душу! Без разреза и без анестезии. И я не знаю, как остановить вас?

Я подошла вплотную. Почти касаясь его плеча, сказала:

— А вы не останавливайте! Пусть это будет наша операция, без МРТ, без скальпеля. Только сердце, риск и доверие!

За дверью снова что-то шевельнулось, шаги, голоса, реальность, которая не хотела ждать. Но здесь, в этом зале, с застывшим снимком на экране, было только он и я. И нечто большее, чем просто влечение, как будто две судьбы, долгие годы шедшие параллельно, наконец сошлись в одной точке.

— Пойдёмте. — сказала я.

— Покажем им, на что способны мы вместе!

Глава 12 Ярослав

Свет в конференц-зале был мягким, но резким на экране, где пульсировала жизнь, запутанная, хрупкая, как паутина из вен под стеклом. Я включил проектор и перед нами оказался срез мозга Артёма, этот лабиринт, в котором каждый поворот мог стать последним. Я уже тысячу раз прокручивал траекторию в голове, но каждый раз приходил к одной и той же мысли, риск. Всегда риск. А у детей он тяжелее, не только физически, но и морально. Они смотрят на тебя снизу вверх, не понимая, что ты держишь в руках не инструменты, а их будущее.

А еще была Лана и этот риск был уже для меня. Я понимал, что я вижу в ней не только профессионального врача, но и женщину, которая уже глубоко в моей душе. Не просто коллега, не просто приглашённый хирург с репутацией.

Когда она взяла указку, я замер. Не потому что она красивая, хотя, чёрт возьми, она и правда красивая, строгая причёска, тёмные глаза, в которых не читаешь, а чувствуешь не просто снимок, не просто аномалию. Она видела путь, тот, который я годами искал, но боялся назвать.

— А если зайти не спереди, а под углом?

Её голос, тихий, но такой точный, как дозировка анестезии, ни лишнего, ни недостающего и в этот момент что-то щёлкнуло. Как будто все мои сомнения, все «нельзя» и «слишком рискованно» вдруг сложились в одно «возможно».

Я посмотрел на неё, по-настоящему посмотрел. Не как на специалиста, а как на человека, который осмеливается думать там, где другие боятся смотреть. И в её профиле, в изгибе шеи, в том, как она чуть прикусила губу, размышляя, я вдруг понял, я не просто хочу доверить ей операцию, я хочу доверить ей себя.

Когда она перерисовала траекторию, я сделал шаг ближе, не осознанно. Просто тело потянулось туда, где было тепло, где было правильно. И когда я сказал:

— Вы правы. — это прозвучало не как признание профессионализма.

Это было признание чего-то большего. Чего-то, что нельзя зафиксировать ретрактором и что нельзя измерить в миллиметрах.

— Только на ту, которая видит то, что другие боятся увидеть! — сказал я.

И это было не просто слово. Это было признание.

А потом её взгляд, её рука, её сердце, бьющееся под кожей запястья, как будто в такт моему. Я коснулся её и почувствовал, как что-то внутри меня перевернулось, как при первом вдохе после долгого задержания дыхания.

Я никогда не делал ничего без плана, ни одного шага, ни одного решения, но в этот момент я понял. Некоторые вещи не влезают в протоколы, некоторые риски нельзя просчитать заранее. И когда она сказала:

— Давайте не будем отвлекаться. — я чуть не рассмеялся.

Потому что мы уже отвлеклись и не на минуту, а на всю оставшуюся жизнь.

А потом зашла Аня, верная, преданная, знающая меня лучше, чем кто либо, но она не была для меня той, от которой сердце стучало чаще. Я вообще никогда серьезно никем не увлекался и Аня была для меня той женщиной, что всегда была рядом, но я ей никогда ничего не обещал.

И когда Аня вышла, я закрыл глаза. В голове не операция, не траектория, а голос Ланы, её запах, её слова:

— Пусть это будет наша операция только сердце, риск и доверие!

И я понял, я больше не боюсь рисковать, потому что рядом, та, кто видит не только мозг, а та, кто видит меня и в этот момент я знал, операция начнётся не в операционной. Она уже началась, в этом зале и под светом проектора, с одним разрезом по самому сердцу, по моему сердцу.

Мы с Ланой вышли к родителям мальчика. В коридоре царил напряжённая тишина, та самая, что давит на виски и перехватывает дыхание. Каждый шаг отдавался глухим эхом, будто сам воздух сопротивлялся тому, что нам предстояло сказать.

Родители сидели у окна, мать сжимала в руках платок, отец уставился в одну точку, словно пытался разглядеть там ответ, которого не существовало. Когда они подняли на нас глаза, я понял, никакие слова не смогут смягчить то, что им придётся услышать. Но мы должны были сказать правду, честно, без прикрас, без ложной надежды.

— Мы разработали план операции! — начал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Это рискованно, очень рискованно, но это шанс! Единственный для Артёма.

Мать всхлипнула, но не прервала. Отец кивнул, коротко, будто давая разрешение продолжать.

Лана шагнула вперёд. Её голос, всегда такой точный, сейчас звучал мягче, почти нежно:

— Мы будем рядом на каждом этапе. Мы сделаем всё, что в наших силах. Но вам нужно знать, путь будет долгим и не всё зависит от нас. Главное, верить и быть рядом?!

Мать подняла на неё взгляд, полный отчаяния и мольбы:

— Вы вы правда думаете, что у него есть шанс?

Я посмотрел на Лану и она не отвела глаз.

— Да! — сказала она твёрдо.

— У вашего сына есть шанс и мы его не упустим!

Отец медленно поднялся. Его руки дрожали, но в глазах появилась искра, та самая, за которую стоит бороться и он спросил:

— Что от нас требуется? Мы заплатим любые деньги, только помогите!

— Ваше присутствие. — ответил я спокойно.

— И ваша любовь. Это важнее любых денег. Сейчас речь больше не о них!

Лана мягко положила руку на плечо матери:

— И ещё доверится нам. Мы знаем, как это тяжело, но поверьте, мы не оставим его!

В этот момент я почувствовал, как что-то внутри меня окончательно встало на место. Операция ещё не началась, но битва уже шла, не только за жизнь Артёма, но и за то, чтобы эти люди не потеряли веру. И я знал, с Ланой рядом я смогу пройти через всё.

Мы стояли в приёмной, врачи, родители, единая цепь, где каждое звено держалось друг за друга. И в этой хрупкой, но нерушимой связи была сила. Сила, которая может победить даже болезнь.

Глава 13 Ярослав

Мы начали готовить мальчика к операции, взяли все недостающие анализы и я назначил её на следующий день. Я снова хотел видеть Лану и эта операция была поводом.

И я понимал, что меня к ней влечет и это была не просто симпатия. Когда после разговора с родителями Лана уехала, пообещав мне ассистировать завтра, у меня в груди разрасталось странное, доселе незнакомое чувство, будто внутри меня пробудилось что-то давно забытое, спящее под слоем профессиональной сдержанности и годами выстроенных барьеров.

Я стоял у окна в своем кабинете, обдумывая, как пройдет всё завтра. Ведь кроме операции у меня была текучка документов по работе клиники. И вдруг дверь кабинета тихо открылась, я не обернулся, знал, кто это.

— О чем задумался? — голос Ани звучал мягко, без упрёка.

Я медленно повернулся, она стояла на пороге, такая знакомая, такая своя, но теперь между нами будто пролегла невидимая черта, которую я сам же и начертил.

— Прости. — сказал я, проводя рукой по лицу.

— Много мыслей!

Она вошла, села в кресло напротив. В её глазах читалась не просто забота, в них была та самая тихая мудрость, которая всегда меня удивляла. Аня знала меня лучше, чем я сам и наверное, именно поэтому сейчас ей было тяжелее, чем мне.

— Это из-за неё? — спросила она прямо, без предисловий. Я на миг взглянул на нее, но всё же ответил:

— Да!

Тишина повисла между нами, густая, почти осязаемая. Я ждал упрёков, может быть, слёз, но Аня лишь улыбнулась, грустно, но без горечи.

— Я заметила это, когда она впервые пришла к нам в клинику! — сказала она.

— Просто не хотела признавать!

— Аня...

— Нет... — она подняла руку, останавливая меня.

— Ярослав, не надо оправданий! — твёрдо произнесла она, не давая мне вставить ни слова.

— Я не ребёнок и всё вижу, всё понимаю!

Её голос звучал спокойно, но в этой сдержанности чувствовалась такая боль, что мне стало не по себе. Я сжал кулаки, пытаюсь найти нужные слова, но они словно застряли в горле.

— Я понимаю, но это не зависит от меня! — наконец выдал я.

Аня медленно покачала головой, её взгляд скользнул к окну, где уже сгущались вечерние тени.

— Нет! Думаю, ты просто плыл по течению, пока не появилась она!

Каждое её слово било точно в цель. Я сделал шаг вперёд, но она отстранилась.

— Не надо Ярик!

— Аня, послушай? — начал я.

— Что слушать, Ярослав? — она резко встала и в её глазах всё-таки появились слёзы.

— Что ты мне скажешь? Что это не то, что я думаю? Что всё не так?

Я замолчал. Потому что знал, любые оправдания сейчас будут звучать жалко.

— Ты даже не попытался! — её голос дрогнул, но она тут же взяла себя в руки.

— Я всегда была рядом, но ты держал меня на расстоянии вытянутой руки, ни разу не сказав о своих чувствах мне! Я ведь люблю тебя Ярик! А теперь.. теперь я тебе не нужна?

— Это не так! — вырвалось у меня.

— Ты для меня очень важна!

— Важна? — она горько рассмеялась.

— Важна, это когда ты делишься своими мыслями, когда говоришь люблю, когда не смотришь на другую женщину так, как ты смотришь на Лану. Важна, это не ты заслуживаешь лучшего, Ярослав. Это я хочу быть с тобой.

В кабинете повисла тяжёлая тишина. Я чувствовал, как внутри меня всё сжимается от боли, не только за неё, но и за себя. За то, что не смог быть тем, кем она меня видела.

— Я не хотел тебя ранить! — прошептал я.

— А ты думаешь, это что-то меняет? — она шагнула к двери, но на пороге остановилась.

— Знаешь, что самое обидное? Не то, что ты влюбился в другую. А то, что ты никогда не пытался влюбиться в меня!

Её слова ударили сильнее любого упрёка. Я открыл рот, чтобы что-то сказать, но она уже вышла, хлопнув дверью, а я остался один. В пустом кабинете, с эхом её последних слов.

Глава 14 Лана

После того, как мы с Ярославом поговорили с родителями Артема, я попрощалась и поехала в отделение. Операцию он назначил на завтра.

Я понимала, что взяв такого пациента он и я шли на неоправданный риск, но мальчику нужна была срочная операция, иначе бы потеряв время, ему уже никто не помог и мы должны были сделать все невозможное. А еще нас с Ярославом друг к другу тянуло и я боялась себе в этом признаться.

Сев в такси, я долго не могла собраться с мыслями. В голове крутились обрывки разговора с Ярославом, его прикосновения, взгляды, слова, от которых замирало сердце.

"Что со мной происходит?" — думала я, глядя на мелькающий за окном пейзаж города.

Завтра операция. Серьезная операция и не только потому, что случай сложный, а потому, что от её успеха зависит не только жизнь мальчика, но и что-то большее между мной и Ярославом. Доехав до больницы, я вышла из такси и глубоко вздохнув, направилась к входу.

Поднявшись в отделение и зайдя в ординаторскую, я увидела Олега Петровича и Ирину. Они о чём-то оживлённо беседовали, но при моём появлении замолчали.

— Лана Владимировна? — начал Олег Петрович, поднимаясь мне навстречу.

— Мы вас совсем что-то потеряли? Где вы пропадали?

Я почувствовала, как краска приливает к щекам.

— Были важные дела! — уклончиво ответила я, стараясь не встречаться взглядом с Ириной, которая, казалось, прожигала меня любопытным взглядом.

— Да ладно тебе Лан, знаем мы, что ты ездила в клинику "Здоровье Плюс! — махнула рукой Ирина.

— Слышали от Смирницкого, что ты будешь участвовать в завтрашней операции с самим Ярославом Александровичем Шаховым?

Я кивнула, стараясь сохранять спокойствие:

— Да, операция сложная!

Олег Петрович, словно не замечая моего напряжения, продолжил:

— Говорят, случай редкий! Венозная мальформация у ребёнка!

— Именно так Олег Петрович! — подтвердила я, стараясь говорить сдержанно.

— Случай действительно сложный и нам предстоит серьёзная работа!

Ирина, не унимаясь, продолжала:

— А правда, что ты предложила какой-то особенный метод доступа? Говорят, Шахов сам заинтересовался твоими идеями!

Я почувствовала, как внутри всё закипает. Не хватало ещё, чтобы пошли слухи и домыслы о наших профессиональных взаимоотношениях.

— Давайте не будем обсуждать детали операции? — мягко, но твёрдо произнесла я.

— Это врачебная тайна и я не могу разглашать информацию!

В этот момент в ординаторскую вошла медсестра Люда:

— Лана Владимировна, вас ждут пациенты. У вас сегодня назначены две операции, пациенты из третьей и двенадцатой палат!

Я с благодарностью взглянула на неё:

— Да! Спасибо, Люд!

Олег Петрович попытался было что-то сказать, но я прервала его:

— Коллеги, у меня действительно много работы! И завтра важный день и мне нужно быть в форме. Давайте обсудим все вопросы потом?

И вышла, чтобы переодеться и приступить к осмотру пациентов. День шёл своим чередом и прошел как всегда в суматохе, что к концу рабочей смены, я была как выжатый лимон.

Ночную смену я не стала брать, так как надо было подготовиться морально к операции мальчика. Приехав домой и поднявшись в квартиру, я приняла душ и только успев выйти из ванной и накинуть халат, я услышала как зазвонил мобильный.

Взяв в руки телефон, я увидела, что звонил Ярослав и сердце пропустило удар. Я замерла с телефоном в руке, чувствуя, как пульс участился. Пальцы слегка дрожали, когда я нажала на кнопку приёма вызова.

— Да? — мой голос прозвучал чуть тише, чем обычно.

— Лана, добрый вечер! — голос Ярослава был спокойным, но в нём угадывалась какая-то непривычная мягкость.

— Надеюсь, я вас не отвлекаю?

— Нет, всё в порядке! — я прислонилась к стене, пытаюсь унять волнение.

— Что-то случилось? С пациентом? С подготовкой к операции?

Он тихо рассмеялся:

— Ничего срочного, не волнуйтесь! Просто.. Я подумал, что перед таким днём, как завтра, нам стоит ещё раз обсудить ключевые моменты! Но не в суете клиники, а где-то в спокойном месте! Может, встретимся где-нибудь? Чашка кофе, полчаса разговора и...

В груди что-то ёкнуло.

"Просто обсудить ключевые моменты" — повторила я про себя, но сердце отказывалось верить в такую простоту, но слова сами вылетели вперёд мыслей.

— Да, конечно! — я постаралась говорить ровно, хотя внутри всё трепетало.

— Где и когда?

— Через полчаса в кафе у парка Заречье? Там тихо и нам никто не помешает! Если вы не слишком устали, конечно!

Я взглянула на своё отражение в зеркале, мокрые волосы, халат, глаза, в которых читалось и волнение и предвкушение.

— Ну хорошо, я буду! — улыбнулась я, сама удивляясь своей решимости.

— Отлично! Жду!

Он отключился, а я ещё несколько секунд стояла, прижимая телефон к груди. Тысяча мыслей вихрем пронеслась в голове:

"Зачем он позвал меня? Почему именно сейчас? Ключевые моменты по операции мы обсудили ещё утром. А может Лана, он тебя пригласил таким образом на свидание!"

Быстрыми движениями я высушила волосы, накинула тёплый свитер и джинсы, чуть-чуть подвела глаза, просто чтобы не выглядеть совсем измотанной. Пальцы всё ещё подрагивали, но теперь уже не от тревоги, а от странного, волнующего ожидания.

Выбегая из квартиры, я поймала себя на мысли, операция завтра, да, это страшно и ответственно. Но сейчас, в этот момент, меня больше волновало другое, взгляд Ярослава, его голос, тот едва уловимый оттенок в интонации, который говорил больше, чем слова. Дорога до кафе на машине показалась одновременно бесконечно долгой и слишком короткой. Я замедлила шаг у входа, сделала глубокий вдох и толкнула дверь. Он уже был там, сидел у окна, смотрел на улицу, но, увидев меня, тут же поднялся и улыбнулся. И в этот миг всё остальное перестало иметь значение.

— Вы выглядите... уставшей, но всё равно потрясающе! — тихо сказал Ярослав, отодвигая для меня стул.

Я села напротив, чувствуя, как краска приливает к щекам:

— Спасибо! Но думаю, нам действительно есть что обсудить.

Он кивнул, подозвал официанта, заказал два капучино, а потом посмотрел мне прямо в глаза, серьёзно, внимательно, так, что дыхание перехватило.

— Лана! — начал он.

— Завтра будет тяжёлый день,но я хочу, чтобы ты знала,я верю в нас,в тебя и не только как в хирурга!

Глава 15 Лана

— Лана! — продолжил Ярослав, чуть понизив голос и подавшись вперёд.

— Я давно не встречал человека, который так беззаветно отдаётся своему делу! Ты не просто хирург, ты видишь пациента целиком, чувствуешь его, переживаешь за него так, будто это кто-то из твоих близких. И это.. это восхищает меня!

Он на мгновение замолчал, словно подбирая слова, а потом продолжил, ещё более искренне:

— Я следил за твоей работой, за тем, как ты готовилась к этой операции, как прорабатывала детали и я увидел не просто профессионализм? Я увидел смелость, готовность идти до конца! И знаешь, что самое важное? Рядом с тобой я чувствую, что могу сделать больше, чем обычно! Что мы вместе можем.

Ярослав слегка коснулся моей руки и я почувствовала, как по коже пробежала тёплая волна.

— Завтра будет сложно, очень сложно! Мы идём на риск и я не стану врать, шансы не стопроцентные у пацана! Но я хочу, чтобы ты знала, я доверяю тебе как никому другому! Не только в твои руки, не только в твой ум, в тебя всю!

Его взгляд стал ещё глубже, проникновеннее.

— И дело не только в операции! Да, она важна, жизненно важна для Артёма, но за последние дни я понял кое-что ещё! Ты стала для меня больше, чем коллегой! Гораздо больше! Я не могу и не хочу делать вид, что это просто совместная работа!

Он сделал паузу, давая мне время осознать сказанное и добавил чуть тише:

— Так что да, мы обсудим детали операции, быстро и чётко, но прежде я хотел сказать тебе это!

Я подняла глаза и встретила с его взглядом, в нём не было ни тени сомнения, только твёрдая решимость и та самая теплота, которую я уловила раньше.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь унять бешеный ритм сердца. Его слова эхом отдавались в голове, тёплые и пугающие одновременно. Рука Ярослава всё ещё держала мою, крепко, уверенно, будто он боялся, что я исчезну, если он ослабит хватку.

— Ярослав.— голос чуть дрогнул, но я заставила себя продолжить, глядя ему прямо в глаза.

— То, что ты сказал это много значит для меня! Честно. Я никогда не встречала человека, который бы так так видел меня!

Я на мгновение закрыла глаза, собираясь с мыслями. Внутри всё металось, где-то в глубине души отзывалось что-то тёплое, почти благодарное, но страх, старый, знакомый страх, сковывал горло.

— Но я не могу! — выговорила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, но не жёстко.

— Не могу позволить этому выйти за рамки! Мы знаем друг друга всего несколько дней, а завтра нам предстоит операция, от которой зависит жизнь мальчика!

Ярослав хотел что-то сказать, но я мягко, но настойчиво перебила его:

— Послушай, пожалуйста! Я ценю каждое твоё слово. Правда. Ты тоже хирург, владелец клиники и я чувствую, что могу доверять тебе в операционной! Но личное Личное только мешает! И я знаю, о чём говорю!

— У меня был опыт, когда работа и чувства переплелись! — голос невольно стал тише.

— И это закончилось плохо! Очень плохо? Я больше не хочу повторять эту ошибку!

Я сделала паузу, давая ему время осознать сказанное, а затем добавила уже твёрже:

— Завтра нам нужно сделать всё невозможное! Мы должны думать только о мальчике, только о том, как дать ему шанс! Никаких я, никаких ты, только мы, в самом чистом смысле этого слова. Коллеги, которые доверяют друг другу безоговорочно!

Я наконец мягко высвободила руку, но не отпрянула, осталась так же близко, чтобы он понял, я не отталкиваю его, я просто очерчиваю границы.

— Давай сосредоточимся на главном! — я ответила, посмотрев на него серьезным взглядом.

— Вместе, но как врачи!

Глава 16 Ярослав

Когда Аня вышла из моего кабинета, дверь тихо щёлкнула за её спиной, я стоял у стола, сжимая в руке ручку до побеления костяшек, и понимал, как прежде у нас уже не будет. Ни этих коротких кивков в коридоре, ни её фирменной фразы:

"Ярослав, я тут кое-что подправила, посмотри".

Ни той лёгкости, с которой мы когда-то решали даже самые безумные задачи и отношений, которых я уже не хотел, и в принципе они для меня были удобными, но для неё важными.

Я надеялся хотя бы на то, что она останется работать, как прежде, моим секретарем. Ведь мы столько всего прошли вместе, бессонные ночи перед презентациями, споры до хрипоты, потом совместный смех над своими же ошибками, но теперь между нами словно выросла стена, прозрачная, но непробиваемая. Однако мои мысли уже не задерживались на Ане.

В них всё ярче проступал другой образ, Лана.

За эти дни она стала для меня больше, чем коллегой. Её профессионализм, конечно, поражал, как она хладнокровно ставит диагнозы, находит выход там, где другие видят только тупик, как чётко и спокойно раздаёт указания, не повышая голоса.

Но дело было не только в этом, а в том, как она на мгновение задерживала взгляд, когда я был рядом. В том, как чуть заметно улыбалась, услышав мою шутку. В том, как аккуратно складывала бумаги на столе, будто в этих мелочах скрывалась какая-то особая гармония. Я ловил себя на мысли, что хочу её слышать, видеть и не просто, как коллегу, а как женщину, которая мне не безразлична.

Даже раставшись утром с ней, после беседы с родителями Артёма, я не мог ждать завтрашнего дня и решился позвонить, пригласив её в кафе у парка Заречье, уютное, с тёплым светом и запахом свежемолотых зёрен.

Когда она зашла в кафе и я её вновь увидел, сердце моё забилося чаще, чем обычно. Я хотел сказать ей всё прямо, что она для меня не просто коллега, что её присутствие меняет что-то внутри меня, делает дни ярче, а проблемы, не такими уж непреодолимыми.

— Вы выглядите... уставшей, но всё равно потрясающе! — тихо сказал я, отодвигая для неё стул.

Она села напротив и смущенно сказала:

— Спасибо! Но думаю, нам действительно есть что обсудить?

Я кивнул, подозвал официанта, заказал два капучино, а потом посмотрев в её красивые глаза, начал говорить, но её слова спустили меня "с небес на землю".

— Ярослав! — голос её звучал ровно, почти бесстрастно.

— Я очень ценю твою искренность и твоё отношение к работе, и то, как ты умеешь поддерживать команду. Но для меня личное и рабочее, это две разные вселенные! Я не готова это смешивать!

Эти слова ударили неожиданно сильно. В груди что-то оборвалось, будто перерезали невидимую нить, которая уже успела связать нас в моих мечтах. Кафе, ещё минуту назад казавшееся уютным, вдруг стало чужим и тесным.

Тепло её руки ещё пульсировало на коже, хотя она уже мягко высвободилась. Я застыл, пытаюсь осмыслить то, что только что произошло. Её слова эхом отдавались в голове, чёткие и безжалостные в своей логике, никаких я, никаких ты, только мы.

Я невольно сжал пальцы, словно пытаюсь удержать ускользающее ощущение её близости. В груди что-то болезненно сжалось, не от обиды, а от осознания глубины её страха. Я видел, как дрогнул её голос, когда она говорила о прошлом опыте. В этих словах была не просто осторожность, в них звучала боль, старая рана, которая так и не зажила до конца. Я не знал, что у

них произошло с бывшим мужем, но было видно, что Лане не приятно говорить об этих отношениях.

Я закрыл глаза на мгновение, прокручивая в памяти её лицо, как она на секунду закрыла глаза, собираясь с силами, как твёрдо прозвучал её голос в конце, будто она давала клятву не мне, а самой себе. Она не отталкивала меня. Нет. Она выстраивала барьер, не между нами, а между чувствами и долгом. И этот барьер был прочен, выстроен из опыта и боли.

Но в то же время я не мог забыть и другого, как дрогнул её голос, когда она сказала:

"То, что ты сказал это много значит для меня!"

В этих словах было больше, чем вежливость. В них была искренность, благодарность, даже какое-то робкое тепло. Она чувствовала что-то ко мне и я это видел. Просто она не могла себе это позволить.

"Она права насчёт операции!" — признал я мысленно.

Завтра всё должно быть идеально. Один неверный шаг и жизнь Артёма окажется под угрозой. Мы не имеем права на ошибку. Но разве это значит, что чувства нужно похоронить? Разве нельзя быть коллегами и при этом хранить в сердце что-то большее?

Я глубоко вдохнул, заставляя себя сосредоточиться. Перед глазами встало лицо Артёма, бледное, с тёмными кругами под глазами. Завтра мы должны сделать всё невозможное. Никаких эмоций, никаких сомнений. Только холодный расчёт, отточенные движения, взаимное доверие.

Но внутри меня крепла другая мысль, упрямая, настойчивая, почти бунтарская и я не собирался отступать. Просто выбирал другой путь. Путь, где профессионализм не противоречит чувствам, а дополняет их. Где доверие в операционной может стать фундаментом для чего-то большего.

"Хорошо, Лана! — мысленно ответил я ей.

Завтра мы коллеги. Никаких я, никаких ты, только мы».

Я принял это правило. Принял как условие, а не как приговор, как вызов!

"Я не стану давить! — твёрдо решил я.

Я докажу тебе, что можно быть безупречным партнёром в работе и при этом быть кем-то большим для тебя. Я подожду. Пока твой страх не отступит. Пока ты не поймёшь, что на меня можно положиться, не только как на коллегу, но и как на мужчину, который может любить!"

Я расправил плечи, чувствуя, как внутри нарастает новая решимость, более глубокая, более зрелая. Завтра мы должны спасти жизнь мальчика, а после будет время. Время, чтобы показать ей, что иногда личное не мешает, оно помогает.

Я смотрел вслед уходящей Лане и в груди всё ещё бушевали эмоции, но теперь они обрели смысл и направление. И я был готов двигаться, чтобы добиться её.

Глава 17 Лана

Вернувшись домой, я долго не могла уснуть. Слова Ярослава эхом отдавались в голове, смешиваясь с воспоминаниями о прошлом. Его искренность тронула меня до глубины души, но страх снова обжёг сердце.

Я вспоминала, как он смотрел на меня эти дни, с таким восхищением и пониманием, каких я давно не встречала. И это пугало меня, не потому, что он был мне неприятен, совсем наоборот. Его присутствие рядом вызывало в душе давно забытые чувства, тепло, притяжение, уверенность.

Но прошлое крепко держало меня в своих тисках. Воспоминания о неудачном браке, о той роковой операции, о доверии, которое оказалось ложным, всё это стояло между мной и возможностью снова открыть своё сердце.

С Алексеем Ковалевским, моим бывшим мужем мы познакомились еще на втором курсе медицинского института. Это была любовь с первого взгляда, так мне казалось тогда. Молодой, амбициозный, подающий большие надежды хирург. Мы проводили вместе все свободное время, учились, дежурили, мечтали о будущем.

Помню, как он красиво ухаживал за мной, как уверенно говорил о нашем общем будущем. Мы планировали открыть собственную клинику, вместе расти профессионально. Я верила каждому его слову, растворялась в этих мечтах.

Наши отношения развивались стремительно. Свадьба, совместная работа в одной больнице. Казалось, что мы созданы друг для друга. Но реальность оказалась жестокой.

То роковое дежурство до сих пор стоит перед глазами. Пациент поступил с неясной симптоматикой. Алексей настоял на своём диагнозе, а я, ослеплённая любовью и доверием, не стала проверять его выводы. На операционном столе давление пациента начало падать, потом сердце остановилось.

Следствие показало, что якобы пациент поздно обратился за помощью. Но я-то знала правду, диагноз был поставлен неверно с самого начала. Это была ошибка Алексея, а я стала её соучастницей из-за слепой веры.

После этого наш брак стал рушиться. Невыносимо было осознавать, что человек, которому ты доверяешь безоговорочно, может так ошибиться. Что профессиональная некомпетентность может стоить жизни человека.

С тех пор я дала себе слово, никогда больше не смешивать работу и личные чувства. Профессионализм и эмоции должны существовать в разных плоскостях. Иначе цена ошибки становится непомерно высокой.

И вот теперь слова Ярослава. Его искренность, его восхищение. Как легко было бы поддаться этим чувствам. Но прошлое научило меня быть осторожной. Слишком высока цена за доверие, основанное на эмоциях, а не на проверенном времени профессионализма.

Я подошла к окну и посмотрела на ночной город. Свет фонарей создавал причудливые узоры на асфальте, а в небе мерцали звёзды. Как просто было бы сейчас позволить себе поверить в его чувства, в его искренность. Но опыт научил меня быть осторожной.

В памяти всплыли слова Ярослава о доверии. Он говорил так убедительно, так искренне. Но доверие, это то, что зарабатывается годами, а не днями. И я не могла позволить себе роскошь верить на слово, как бы ни хотелось обратного.

Я легла в постель, но сон не шёл. Мысли кружились в голове, словно вихрь, слова Ярослава, его взгляд, тепло его руки. И где-то на краю сознания таилась надежда, робкая, почти неуловимая, но я решительно загнала её вглубь.

Завтра операция. Завтра всё встанет на свои места. А чувства С чувствами можно разобраться позже. Если останется на это время и силы.

Утром я встала с твёрдым намерением отключить все чувства и эмоции. Собралась, привела себя в порядок, стараясь не думать о вчерашнем разговоре. Но стоило мне переступить порог клиники, увидеть Ярослава, и всё моё самообладание дало трещину. Его улыбка, взгляд, то, как он кивнул мне при встрече, всё это заставило сердце биться чаще.

"Сосредоточься, Лана! — мысленно приказала я себе.

Сейчас не время для эмоций!"

В предоперационной мы провели последний брифинг. Ярослав был собран, профессионален. Его спокойствие передавалось всей команде.

— Все готовы? — спросил он, обводя взглядом присутствующих.

— Да! — ответили все, кто присутствовали. Медсестры, анестезиолог, нейрохирург.

— Можем начинать подготовку!

Операционная встретила нас стерильной тишиной. Мы надели халаты, маски, перчатки. Каждое движение было отточенным, выверенным. Артём уже лежал на столе, подключённый к мониторам.

Ярослав сделал разметку и мы начали подготовку к операции. Мои руки двигались уверенно, словно сами знали, что делать. Адреналин бурлил в крови, но я держала себя в руках.

— Начинаем! — коротко произнёс Ярослав.

Первые разрезы дались нелегко, напряжение чувствовалось в каждом движении. Но постепенно я вошла в ритм операции. Мы работали как единый механизм, он делал одно, я подхватывала, дополняла.

Каждый этап операции требовал максимальной концентрации. Мы меняли инструменты, корректировали план действий, реагировали на малейшие изменения показателей пациента. Время словно остановилось.

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что полностью доверяю Ярославу. Его профессионализм был безупречен. Он чувствовал ситуацию, предугадывал мои действия, поддерживал в сложных моментах.

— Давление стабильное! — сообщила я, глядя на мониторы.

— Отлично, продолжаем! — ответил Ярослав, не отрываясь от работы.

Самый сложный этап наступил, когда мы достигли основной проблемы. Требовалась ювелирная точность. Мы работали молча, понимая друг друга без слов.

Постепенно операция близилась к завершению. Каждый шов, каждый узел, всё должно было быть идеальным.

— Готово! — наконец произнёс Ярослав.

— Швы накладываем!

Когда последний шов был сделан, я с облегчением выдохнула. Мы сделали всё, что могли.

— Отличная работа, команда! — сказал Ярослав, снимая перчатки и посмотрев на меня.

— Пациент стабилен.

Я посмотрела на мониторы, показатели были в норме. Артём был в безопасности.

Выходя из операционной, я почувствовала, как дрожат руки. Но это была усталость профессионала, выполнившего свою работу на отлично.

— Спасибо! — сказал Ярослав, глядя мне в глаза.

— Ты была великолепна!

— Как и ты! — ответила я тихо.

— Мы сделали это вместе!

И в этот момент я поняла, что, возможно, была слишком категорична в своих решениях. Но об этом я подумаю позже. Сейчас главное было, что Артём был жив, операция прошла успешно. И нужно время, чтобы он пошел на поправку.

Глава 18 Ярослав

Я ещё несколько минут сидел и смотрел в окно после того, как Лана ушла из кафе. В груди было странно, смесь облегчения, что она тоже ко мне что-то испытывала и какое-то острое, почти болезненное волнение, что она может мне не верить. Я решил дать ей время, но не отступать. Ни за что.

Утром, приехав в клинику раньше обычного, я первым делом провёл планёрку. Говорил чётко, по делу, отвечал на вопросы, раздавал указания, всё как всегда. Но мысли то и дело возвращались к вчерашнему разговору. К тому, как дрожали её руки, не от страха, нет. Она боялась снова доверять и я это видел в её глазах.

Лана приехала за час до операции. Я заметил её ещё издалека, сосредоточенная, собранная, в белом халате, с привычной лёгкой тенью усталости вокруг глаз, но такая же красивая и уверенная в себе. Она кивнула мне, улыбнулась коротко, деловито. Я постарался сделать вид, что ничего не произошло. Но это было чертовски трудно.

Каждый раз, когда она оказывалась рядом, сердце у меня билось как сумасшедшее. Я ловил себя на том, что слежу за её движениями, как уверенно она держит инструменты, как смотрит на мониторы, как сосредоточена. Она была в своей стихии и в эти минуты казалась мне ещё прекраснее.

Операция прошла успешно. Мы работали слаженно, почти без слов понимали друг друга с полувзгляда. Когда всё закончилось и стало ясно, что Артём в безопасности, я не выдержал:

— Спасибо! — сказал я, глядя ей в глаза.

— Ты была великолепна!

Она подняла на меня взгляд и на мгновение весь мир будто замер.

— Как и ты! — ответила Лана тихо.

— Мы сделали это вместе!

В её голосе прозвучало что-то новое, не просто признание профессиональных заслуг, а что-то более личное, что она испытывала ко мне.

После операции я задержался в коридоре, провожая взглядом её удаляющуюся фигуру. Она остановилась у поста медсестёр, что-то уточнила, улыбнулась и пошла дальше. А я стоял и думал, да, она была слишком категорична в своих решениях. Но, может, это не навсегда? Может, сейчас, после всего, что мы пережили вместе, что-то изменится?

Главное, что Артём жив. Операция прошла успешно и теперь ему нужно время, чтобы пойти на поправку. А у нас у нас тоже будет время. Я не отступлю. Не теперь.

От наркоза Артём быстро отошёл, состояние было стабильное и показатели были тоже в норме. Через день он был переведён в палату. Родители все эти дни, не отходили от сына, меняя друг друга, хотя был обслуживающий персонал. Они пришли в первый день после операции ко мне в кабинет и не могли найти слов, как были благодарны нам с Ланой. Мама Артёма хотела лично поблагодарить её, но я сказал, что она работает в другой больнице и они могут это сделать, приехав по адресу, который я могу им дать.

Я записал адрес больницы, где работала Лана, и передал листок матери Артёма. Её глаза засветились благодарностью.

— Спасибо вам огромное! — она сжала листок в ладони, будто это была какая-то драгоценность.

— Мы обязательно её найдём! Вы даже не представляете, как много это для нас значит.

Отец Артёма кивнул, положил руку жене на плечо:

— Да, спасибо! Мы хотим поблагодарить каждого, кто помог нашему мальчику!

Я проводил их взглядом до выхода из кабинета и на мгновение прислонился к стене. В груди разливалось странное чувство, не просто удовлетворение от хорошо сделанной работы, а что-то более глубокое. Мы спасли ребёнка, и теперь его семья могла начать жить заново.

Эти два дня я не знал, какой найти предлог, снова увидеть Лану и ответ тут же нашёлся. Во-первых поблагодарить финансово её за операцию, но сделать это так, чтобы не обидеть, а во вторых просить её быть консультантом в трудных случаях с пациентами в нашей клинике.

Я знал, что днём у нее плановые операции, поэтому я поехал в больницу ближе к вечеру, но подъехав к клинике никак не ожидал увидеть Лану с мужиком на улице, о чём то спорящим с ней, а потом он попытался её поцеловать. И всё, тормоза мои слетели!

— Отвали от неё! — сказал я громко.

Я почти подбежал к ним, чувствуя, как кровь пульсирует в висках. Он обернулся на крик, его лицо исказилось смесью удивления и раздражения. Лана вздрогнула и отступила на шаг, переводя взгляд с него на меня.

— Ярослав? — в её голосе звучало неподдельное изумление.

Мужик окинул меня оценивающим взглядом, сверху вниз, с лёгкой насмешкой.

— А вы, собственно, кто такой? — произнёс он холодно.

Я сделал ещё шаг вперёд, стараясь держать себя в руках, но внутри всё кипело.

— Тот, кто сейчас тебе начистит морду, если ты не отвалишь от Ланы и прямо сейчас!

Он усмехнулся, сложил руки на груди:

— Боюсь, это не твоё дело. Мы с Ланой

— Больше не мы! — резко перебила его Лана.

Её голос звучал твёрдо, почти жёстко.

— И никогда уже не будем! Я сказала тебе это раньше, повторю и сейчас, между нами всё кончено! Навсегда!

Мужик на мгновение замер, потом сжал челюсти.

— Ты совершаешь ошибку! — бросил он.

— Когда одумаешься.

— Не одумаюсь! — оборвала она.

— Уходи, пожалуйста! И больше не ищи со мной встреч!

Он бросил на меня ещё один колючий взгляд, затем развернулся и зашагал прочь, сунув руки в карманы пальто.

Мы остались вдвоём. Лана глубоко вздохнула, провела рукой по волосам, этот жест я уже знал и он означал, что она пытается взять себя в руки.

— Спасибо! — сказала она тихо.

— Хотя, честно говоря, я и сама могла с ним разобраться!

— Прости не смог сдержаться! Увидел, как он к тебе лезет, и всё, тормоза отказали!

Она чуть улыбнулась.

— Значит, это тебя я должна благодарить за столь бурное проявление чувств?

— Можно считать это официальным признанием! — я попытался улыбнуться в ответ, хотя сердце всё ещё колотилось как сумасшедшее.

— Я не хотел вмешиваться, правда. Но когда он..

— Всё в порядке! — прервала она меня.

— Правда и даже больше! Приятно, что ты так отреагировал!

Мы помолчали. Где-то вдалеке прогудел автомобиль, хлопнула дверь не подалеку, стоявшей машины.

— Я приехал не только из-за этого! — выпалил я.

— Хотел поговорить с тобой и предложить кое-что!

Лана приподняла бровь:

— Звучит серьёзно!

— Так и есть! — я набрал в грудь воздуха.

— Во-первых, хочу поблагодарить тебя за операцию, не просто словами, а материально. Но так, чтобы это не выглядело как подачка! Во-вторых, предлагаю стать консультантом в нашей клинике. У нас бывают сложные случаи, а твой опыт бесценен!

Она задумалась на несколько секунд, потом кивнула:

— Первое, сразу откажусь! Мы работали вместе и это общая заслуга. И я это делала, чтобы спасти мальчика и не за деньги!

— А вот второе... — она улыбнулась шире и у меня внутри что-то перевернулось от этой улыбки.

— Второе мне нравится! Давай обсудим детали?

— Прямо сейчас? — я не смог сдержать ответной улыбки.

— Почему бы и нет. — Лана кивнула в сторону входа в клинику.

— У меня есть ещё полчаса до дежурства. Пойдём внутрь?

Глава 19 Лана

После операции я вернулась в свою больницу. День выдался тяжёлым, нескончаемый поток пациентов, срочные консультации, неотложные случаи. К вечеру я была выжата как лимон, но чувствовала странное удовлетворение.

Сидя в ординаторской, собираясь с мыслями перед дежурством, я никак не могла сосредоточиться. Воспоминания о вчерашнем разговоре с Ярославом, его взгляд, его слова, всё это крутилось в голове, не давая покоя. Я пыталась убедить себя, что не стоит надеяться, что боль прошлого слишком свежа, что доверять снова страшно.

Внезапно дверь ординаторской приоткрылась и я повернувшись, замерла, узнав вошедшего.

Лёша. Мой бывший муж. Время будто остановилось.

— Здравствуй Лана! — сказал он, войдя в кабинет и сел на ближайшее кресло.

— Что ты здесь делаешь? — ответила я ему, не понимая зачем он здесь, не здороваясь с ним.

— Лана! Нам нужно поговорить! — сказал он тихо, но уверенно.

Я заставила себя кивнуть, стараясь не выдать охватившую меня панику. Я не хотела, чтобы нас кто-то услышал.

— Давай выйдем! — предложила я, поднимаясь.

— Здесь не место!

На улице было прохладно. Вечерний ветер трепал листья деревьев, создавая причудливый аккомпанемент нашей предстоящей беседе. Я облокотилась на перила, стараясь держаться как можно дальше от него.

— Что тебе нужно? — спросила прямо, не давая ему времени на предисловия.

Он вздохнул, провёл рукой по волосам.

— Лана, я.. — начал он, но я перебила:

— Не надо, Лёш! Прошло столько времени. Я думала, мы всё выяснили?

Он сделал шаг ближе, но я отступила:

— Не приближайся!

В его глазах мелькнуло что-то похожее на боль, но я не позволила себе смягчиться. Слишком свежи были воспоминания о том, как он разбил моё сердце.

— Я понимаю, что обидел тебя! — произнёс он наконец.

— Но я изменился! Правда!

— Изменился? — я усмехнулась.

— А мне казалось, предательство не лечится временем!

Он опустил голову и на мгновение мне показалось, что вижу перед собой того человека, за которого выходила замуж. Но это было иллюзией.

— Лана, я знаю, что потерял твоё доверие! — тихо сказал он.

— Но я хочу попытаться всё исправить!

— Исправить? — мой голос дрогнул, но я быстро взяла себя в руки.

— То, что ты сделал, нельзя исправить! Можно только принять и двигаться дальше!

В этот момент я почувствовала, как внутри что-то надломилось. Все эти годы я пыталась забыть, пыталась убедить себя, что справлюсь, но сейчас, стоя перед ним, поняла нет. Не прощу. Не смогу.

— Уходи! — произнесла спокойно.

Но Лёша, не слышал меня. Он подойдя ближе, начал пытаться поцеловать меня.

И в этот момент я услышала знакомый голос. Ярослав. Он появился так неожиданно, что у меня перехватило дыхание.

— Отвали от неё! — сказал он громко Алексею.

И Алексей сделав шаг назад, обернулся.

— Ярослав? — сказала я, не сразу поняв, что он здесь делает.

— А вы, собственно, кто такой? — ответил Лёша резко.

Ярослав подойдя и встав между нами с Алексеем, ответил, смотря ему в глаза:

— Тот, кто сейчас тебе начистит морду, если ты не отвалишь от Ланы и прямо сейчас!

Я понимала, что сейчас из-за меня здесь будет драка и нужно было что-то делать.

— Боюсь, это не твоё дело! Мы с Ланой... — начал отвечать мой бывший, но я не дала ему договорить:

— Больше не мы! И никогда уже не будем! Я сказала тебе это раньше, повторю и сейчас, между нами всё кончено! Навсегда!

Лёша, услышав меня, сжал челюсти от злости и ответил:

— Ты совершаешь ошибку! Когда одумаешься...

— Не одумаясь! Уходи, пожалуйста! И больше не ищи со мной встреч! — оборвала я его.

Я видела, что Лёша понимал, что все его попытки хоть что-то сделать, ни к чему не приведут. Он бросив злой взгляд в нашу сторону, развернулся и пошёл прочь.

Оставшись вдвоём, мне было стыдно перед Ярославом, но я его всё-таки поблагодарила его, за то, что он вмешался.

Мы смотрели друг на друга в тишине, нарушаемой уличным шумом и мне казалось, что этот мужчина не просто так появился в моей жизни.

— Я приехал не только из-за этого? — сказал он нарушив тишину между нами.

— Хотел поговорить с тобой и предложить кое-что!

Я посмотрела на него удивленно, не понимая о чем он.

— Звучит серьёзно!

— Так и есть! — ответил он и продолжил.

— Во-первых, хочу поблагодарить тебя за операцию, не просто словами, а материально. Но так, чтобы это не выглядело как подачка?! Во-вторых, предлагаю стать консультантом в нашей клинике. У нас бывают сложные случаи, а твой опыт бесценен!

Я понимала, что Ярослав оставался не только врачом, но и бизнесменом. Его предложение про деньги сейчас было для меня не уместно, а вот предложение с консультацией мне не хотелось отменить.

— Первое, сразу откажусь! Мы работали вместе и это общая заслуга. И я это делала, чтобы спасти мальчика и не за деньги! — ответила я серьёзно.

— А вот второе. Второе мне нравится! Давай обсудим детали? — добавила я уже с улыбкой.

— Прямо сейчас? — сказал он тоже с улыбкой.

— Почему бы и нет. У меня есть ещё полчаса до дежурства. Пойдём внутрь? — кивнула я ему.

Зайдя в ординаторскую, где уже никого не было, мы присели и Ярослав начал объяснять про формат консультаций. Но каждый раз, он задерживал свой взгляд на мне и его голос становился всё тише и тише, и я чувствовала, как напряжение между нами нарастает с каждой секундой. Его взгляд скользил по моему лицу, задерживаясь на губах, в глазах читалась такая откровенная нежность, что у меня перехватывало дыхание

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.